

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Э.Р. ЗАМАЛЮТДИНОВА

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН-ХАРАКТЕРИСТИК
ЛИЦА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

МОНОГРАФИЯ

Казань 2021

УДК 81`373.2:[811.112.2+811.161.1]

ББК 81.2 Нем

3-26

Печатается по решению Научно-технического совета КГЭУ

Рецензенты:

д. филолог. н., проф. Казанского
федерального университета *Т.К. Иванова*;

д. филолог. н., проф. Казанского
государственного энергетического университета *Г.Ф. Лутфуллина*

Замалютдинова Э.Р.

Особенности употребления имен-характеристик лица в немецком и русском языках монография / Э.Р. Замалютдинова. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2021. – 140 с.

ISBN

Монография посвящена исследованию словообразовательных и стилистических особенностей имен, характеризующих лицо в немецком и русском языках. В работе дается словообразовательная характеристика исследуемых субстантивов и адъективов, устанавливается роль словообразовательных элементов в создании дополнительной экспрессивной коннотации анализируемых лексем, изучается эмоционально-экспрессивное соотношение немецких и русских лексических единиц.

Монография предназначена для студентов, магистрантов и всех интересующихся вопросами словообразования и стилистики.

© Замалютдинова Э.Р., 2021

© Казанский государственный
энергетический ун-т, 2021

Введение

В современной науке все больший интерес вызывает проблема познания человека, его характерных особенностей, системы ценностей, традиций и верований, в связи с чем возникает целый ряд новейших научных дисциплин: социолингвистика, лингвострановедение, этнолингвистика и пр. В работах исследователей последнего времени подчеркивается тот факт, что «язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека» [17].

«Человек составляет предмет многих – старых и новых – литературных жанров: жизнеописаний и характеров, хроник и летописей жизни, биографий и автобиографий, литературных и политических портретов, эпистолярного жанра, психологических, приключенческих и иных романов, агиографии, дидактической литературы, проповедей и исповедей... Практически все жанры – в их числе и скучные – так или иначе “переходят на личности”»[5].

Многие исследователи языка художественного текста отмечают, что «при всей важности любых частей текста человек занимает в нём особое место, человек – не только объект описания, но и его центр, та семантическая доминанта, которая обуславливает принципы организации текста, впитывает семантические признаки его частей...» [80].

Особой антропоцентричностью отличается язык художественной литературы, это его специфическая черта, то есть «познание и отражение мира в произведении художественной литературы направлено в первую очередь на познание человека, а все изображаемые художественные события есть средство его всестороннего показа» [34]. Изображая человека в его социальной и исторической обусловленности, создавая яркие художественные образы, писатель выражает свое эмоциональное отношение к действительности, которая «отражается в произведениях искусства творческим сознанием художника, воплощается в форме образов» [2].

С точки зрения языкового изображения человека особый интерес представляют социальные романы прогрессивного немецкого писателя Генриха Манна, в произведениях которого мы сталкиваемся с огромным количеством литературных персонажей и ярко представленных сатирических образов. Романы Г. Манна, написанные в духе критического реализма, изображают человека в реальной историко-экономической среде кайзеровской Германии, где господствуют верноподданническая тупость, высокомерие, человеконенавистничество, беспощадно критикуемые и высмеиваемые писателем.

Индивидуальные особенности творческой личности Г. Манна, ярчайшего представителя немецкого критического реализма, безусловно, сказываются на языке писателя, воплощаются в слова-характеристики, приобретающие новый индивидуальный смысл в контексте. Иронизируя над типичными представителями кайзеровской Германии, автор максимально использует ресурсы национального языка: как его норму, так и разговорно-обиходные, просторечные и даже диалектальные формы и лексику. «Как реалист, автор использует военную, школьную, студенческую, судебную лексику, фразеологию, а также жаргонизмы высшего буржуазного общества и лексику просторечия. ... предельно четко выражает свою мысль посредством многозначности и переносного значения отдельных слов и выражений» [81].

Как известно, чрезвычайно сложно сохранить национальное своеобразие оригинальных художественных произведений и в то же время функционально точно воспроизвести характеристики человека средствами другого языка, ибо создавая тот или иной образ, писатель «до предела использует образно-смысловую специфику языка, и это при переводе вызывает необходимость изменять вещественные значения слов, другие оставлять не воспроизведенными, вводить новые слова, менять грамматические отношения и т.д.» [105]. Несмотря на эту сложность по своей эмоциональной окраске, по силе воздействия на читателя перевод

должен соответствовать подлиннику, по словам К.И. Чуковского, «не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а улыбку – улыбкой, музыку – музыкой, душевную тональность – душевной тональностью» [112].

Так, из огромного арсенала речевой выразительности русских переводных текстов романов Г. Манна для анализа были выделены имена существительные и прилагательные, называющие лицо, его характерные черты, так как именно эти части речи обладают семантикой, способной наиболее ярко и сочно характеризовать внешний и внутренний мир человека.

Г Л А В А 1.

Особенности употребления лексем, характеризующих внешность человека

Г. Манн выступает новатором в области развития социального романа, в центре которого – конкретные гротескно-сатирические образы актёра, адвоката, парикмахера, учителя, священника, барона и др., помогающие раскрыть конфликты общества начала 20-го века в европейском масштабе и в то же время показывающие влияние окружающей политической обстановки на отдельного человека, передающие весь трагизм существования отдельной человеческой личности. Наличие целого ряда столь многогранных выразительных образов обуславливает использование как самим автором, так и переводчиками разнообразных лексических средств, особая роль среди которых отводится именам существительным, так как именно этот класс слов обладает тем семантическим, информативным объёмом, который способен охарактеризовать простых ремесленников, актеров, торговцев всевозможным товаром, булочника, извозчика, владельца трактира, служащих, адвоката, школьного учителя, городских чиновников, сторонников определенных политических партий, священника и пр., являющихся сатирическими персонажами произведений; «...все слова, выражающие категорическое моральное осуждение, относятся к разряду

существительных. Охарактеризовать действие некоторого лица как подлое или сказать, что кто-то поступил подло, это означает дать этому человеку вполне негативную оценку, однако значительно хуже, конечно, назвать человека подлецом» [17].

Исследователь языка Л.Е. Кругликова в своей работе указывает на то, что 65 % всех русских выразительных слов составляют имена существительные, а половину из них – личностные характеристики, в рамках которых большое значение автор и переводчики уделяют внешнему облику героев. В художественном произведении так называемый «портрет» – это не просто красочное описание внешнего вида персонажей, а одно из средств, помогающее писателю раскрыть типичный характер своих героев и позволяющее выразить своё отношение к ним.

1.1 Субстантивы – характеристики внешности

Качественные наименования лица, используемые Г. Манном и переводчиками в исследуемых текстах, можно разбить на три группы, выделяемые по различным типам производности.

Первую группу составляют непроизводные субстантивы, представляющие собой названия частей тела человека или так называемую соматическую лексику. «Соматическая лексика – это, как правило, очень древняя лексика, имеющая высокую степень систематизации, в основной своей части совпадающая с терминологической (анатомической), очень устойчивая, в малой степени подвергающаяся узкой локализации, частотная в речи, широко метафоризированная и т.д.» [47]. Таких слов в исследуемых текстах значительное количество. Все они нейтральны, относятся к межстилевой и древней лексике и приобретают экспрессивную окраску только при употреблении в сочетании с конкретными определениями, играющими большую роль, так как указывают на характерные признаки внешности персонажа и под влиянием контекста способны вызывать у читателя правильное представление о том или ином герое.

- “Der Advokat Belotti ..., wischte mit dem Taschentuch um seinen kurzen **Hals...**” (нем. короткая шея) [123].

«Адвокат Белотти ..., вытер платком короткую **шею...**» [61].

- “Unter den spöttischen **Blicken** begann das linke **Auge** des jungen Menschen auf seine pockennarbige **Nase** zu schielen” (нем. глаз; рябой от оспы нос) [123].

«Под насмешливыми взглядами окружающих левый **глаз** молодого человека скосился на изрытый оспинами **нос**» [61].

- “Die rötlichen Barthaare ganz oben auf der **Lippe** wuchsen und seine langen, gekrümelten **Nagel** nach unten gekrümmt, der starke männliche Duft, auch seine abstehende **Ohren**, die die Wirkung des durchgezogenen Scheitels erhöhten und die katerhaft in Schlafenwulste gebetteten **Augen**” (нем. губы; длинные загибающиеся ногти; оттопыренные уши; глаза) [124].

«Рыжеватая щетина усов росла высоко на **губе**, длинные **ногти** загибались книзу, исходивший от него мужской запах, оттопыренные **уши**, подчёркивавшие эффект прямого пробора и по-кошачьи прятавшиеся под нависшими надбровиями **глаза**» [62].

“Mensch mit schwarzen **Haaren**, die über der **Stirn** sich bäumten...” (нем. черные волосы; лоб) [122].

«Чёрные, вздымающиеся шапкой **волосы** со спадающей на **лоб** меланхолической прядью...» [60].

Подобные нейтральные лексемы, называющие части тела человека в русских переводах, как правило, полностью адекватны таковым в тексте-оригинале, что объяснимо древностью данного пласта лексики и отсутствием разветвленной синонимической структуры. Яркая характеристика, помогающая представить читателю текста внешний облик того или иного героя, создается в данных примерах за счет согласуемых с соматизмами слов. Именно согласуемые лексические единицы, в большинстве случаев это разнообразные эпитеты, играют главенствующую роль в создании художественных образов в подобных примерах. Частотность подобных лексем довольно высока.

Например, «Мать честная! - прошептал он, и глаза сверкнули на его одутловатом **лице**. ...золотисто-карие **глаза** посажены близко друг к другу, **губы** чересчур тонкие, всё **лицо** узкое. Собачьи **глаза** старого воина сияли. Портной всё ещё стоял на том же месте... и пристально смотрел на золотое руно её **волос**. При виде склонившегося перед ней портного лицо её неожиданно озарилось детской улыбкой, и она протянула ему свою маленькую серую **руку**. Под насмешливыми взглядами окружающих левый глаз молодого человека скосился на изрытый оспинами **нос**. Его масляные глазки обшаривали докторшу снизу вверх, задерживаясь на бёдрах, словно это были площади его родного города, и упираясь в аппетитный вырез на её сдобной **шее**. Хозяин гостиницы кулаками барабанил по животу, ногтями раздирал круглую плешивую **голову**. Его впалые **щёки** порозовели, выпуклые заячьи **глаза** блестели, как стеклянные. **Нос** слишком маленький, чуть-чуть вогнутый, правда, тонкий, но обсыпан веснушками» [60, 61, 62].

Приведенные примеры убеждают в том, что художественный портрет, как средство эстетической характеристики, с помощью которого писатель, а также автор перевода раскрывает типичные образы своих героев и выражает свое отношение к ним, является неотъемлемой частью языка художественного произведения, где «объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [18].

Вторую группу образуют морфологически производные единицы, служащие для характеристики внешности, в большинстве своём также представленные соматической лексикой, осложнённой суффиксами субъективной оценки. Особенно актуально употребление таких лексем с определённой стилистической целью – сатирических обличений, которые столь характерны для социальных романов, коими являются исследуемые произведения, где основная задача автора – всестороннее глубокое описание немецкого буржуазного общества, изображение того, как влияет общественное устройство на судьбу личности, её внутренний мир. Суффиксы

субъективной оценки, как известно, возникают на базе уменьшительных суффиксов. «В русском языке значения уменьшительности и увеличительности редко выступают только как размерные. Они тесно связаны с категорией субъективной оценки...» [37]. Став носителями эмоций, авторских оценок, деминутивные суффиксы превращаются в эмоционально-оценочные или, по словам В.В. Виноградова, «суффиксы субъективной оценки». Наиболее продуктивен в этом отношении суффикс -к-: личико, бородка, глазки, брюшко и пр. Аффикс -к- принадлежит к группе уменьшительно-ласкательных суффиксов и, как правило, служит для выражения:

- положительного отношения автора к называемому лицу.

Его смеющиеся блестящие **глазки** увлажнились [60].

Она рукоплескала своими маленькими точёными **ручками**, созданными, казалось, только для того, чтобы играть на арфе... [60].

- уничижительности и иронии, на которые указывает как сам формант, так и присутствующее в тексте определение к деминутиву, и сам контекст в целом.

Маленький человечек то широко открывал, то крепко зажмурил свои **масленные глазки** [61].

Он взобрался на свой стул, теребя **жидкую бородку**, обвёл глазами оркестр [60].

Таким образом, одни и те же уменьшительные образования в ряде случаев в зависимости от контекста могут иметь уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение и, соответственно, нести мелиоративную или пейоративную оценку. «Наслаиваясь на логико-грамматическое значение аффикса как выразителя определённого объективного отношения, субъективная оценка может преобразовать это значение точно так же, как она это делает с вещественным значением; тогда суффикс или приставка превращаются в специальных выразителей эмоционально-оценочной значимости слова» [79]. Это особенно

важно для анализа рассматриваемых нами текстов, так как в романах Г. Манна сатирически изображаются, как правило, персонажи с отрицательной характеристикой. Необходимо отметить, что в тексте-оригинале создание эмоционально-экспрессивной окраски с помощью суффиксов уменьшительности не имеет такой широкой употребительности, как в русских переводах. Немецкий язык, как известно, располагает только двумя именными уменьшительными суффиксами: *-chen*, *-lein*. В отличие от таковых в русском языке, они могут выражать различные эмоционально-субъективные оттенки только в отдельных случаях. В немецких текстах эту функцию частично выполняют либо лексические единицы – соответствующие определения, иногда употребляемые с именем существительным, либо контекст в целом. На 1 случай употребления деминутива, называющего часть тела человека в оригинальном тексте, приходится 7 лексических единиц с уменьшительным суффиксом *-k-* в русском переводе:

“Nello Gennari bemerkte, hinten in der Gasse der Hühnerlucia, die kleine, einsame **Gestalt** der Primadonna” (нем. фигура) [123].

«Нелло Дженнари завидел вдали маленькую одинокую **фигурку** примадонны...» [61].

“Er hielt die kurzen, fetten Schenkel weit auseinander und ließ die kleinen, goldbraunen **Fauste** dazwischen herabhängen” (нем. кулаки) [123].

«...он широко раздвинул толстенные ляжки и свесил между ними загорелые **кулачки**...» [61].

“Der Priester grüßte ebenso höflich und sah ihn aus seinen roten **Augen** brennend an” (нем. глаза) [123].

«Священник ответил так же вежливо и пронзительно посмотрел на него воспалёнными **глазками**» [61].

“...mit ihrer **Nase**, die scharfer war als die Hühnerschnabel...” (нем. нос) [123].

«...поводит острым **носиком**, более похожим на куриный клюв...» [61].

“...meckerte das hämische **Stimmchen** des Barbiers Nonoggi” (нем. голосок)
[123].

«...раздался насмешливый бляющий **голосок** парикмахера Ноноджи»
[61].

Таким образом, русский текст в плане использования приведенных лексем оказывается более эмоционально насыщенным, чем язык соответствующих оригинальных произведений из-за различий в интенсивности употребления деминутивных образований с целью негативной, ироничной характеристики священника, парикмахера и других сатирических персонажей в тексте-оригинале и русском переводе.

В качестве наиболее продуктивных словообразовательных средств для обозначения внешности лица авторы переводов используют суффиксы: *-ина*, *-к(а)*, *-як(а)*. К числу подобных слов можно отнести лексемы типа: брюнетка, красотка, малютка, милашка; детина, образина, уродина; дохляк, толстяк, здоровяк, сопляк и пр., являющиеся достаточно частотными в исследуемых переводах.

Как видно из приведённых примеров, слова с указанными суффиксами мотивируются в основном существительными и прилагательными, причём полученные качественные субстантивы характеризуются большей степенью эмоционально-оценочной маркированности по сравнению с адъективами, от которых они образованы. Это свидетельствует о возможности «усиления в существительных признака до такой степени, что оно превысило некую норму, а значит, этот признак воспринимается теперь уже частично негативно» [52].

Например, здоровый – здоровяк, милый – милашка, толстый – толстяк и пр.

Весьма показательно, что подобные русские отадъективные и отсубстантивные существительные передают те значения, которые в языке оригинального текста выражены

либо именами прилагательными:

- “Gleichwohl gab ihm die meiste Sympathie...sein Nachbar, der **dicke Delitzsch**” (нем. толстый Делич) [124].

«Особой симпатией проникся Дидерих ...к своему соседу, **толстяку** Деличу ...» [62].

- “Der große, **beleibte** Mann war lautlos...” (нем. тучный, полный мужчина) [123].

«Высокий **толстяк** незаметно...» [61].

- “Welch Glück **der kleine** Polli hat!” (нем. маленький Полли) [123].

«Ну и повезло же этому **сопляку**» [61].

- “Er ist glänzend, der Doktor, sich einzubilden, man hatte lust, ihm sein **hässliches** Weib wegzunehmen” (нем. уродливая, ужасная женщина) [123].

«Умора с этим доктором, воображает, будто все только и охотятся за его **уродиной** женой» [61].

- “Wie die Männer **dumm** sind!” (нем. мужчины глупы) [123].

«Ну и **дурачье** эти мужчины!» [61].

либо субстантивированными прилагательными:

- “Inzwischen schloss **die Kleine** ihr Fenster...”(нем. малышка) [123].

«Вскоре **малютка** захлопнула своё окно...» [61],

либо отадективными производными существительными:

- “Der hochschulterige **Schwächling**...”(нем. слабак) [122].

«**Дохляк**...» [60].

Причем данные русские лексемы отличаются не только наличием эмоционально-экспрессивного компонента в своей семантике, но и стилистической маркированностью, в частности, принадлежностью к просторечию: напр., сопляк, дохляк, уродина.

Интересно, на наш взгляд, отметить, что нейтральное немецкое прилагательное **klein** (маленький) и образованное от него субстантивированное прилагательное **die Kleine** (маленькая, малышка) передаются на русский язык в одном случае лексемой **малютка**, обладающей мелиоративной оценкой и ласкательностью, а в другом – грубым,

просторечным словом сопляк, обладающим ярко выраженной негативной окраской. В подлиннике диаметрально противоположная оценка, присущая одной и той же лексеме die (der) Kleine, актуализируется только благодаря контексту. Таким образом, умело используя возможности лексической системы русского языка, переводчику удалось разнообразить язык русского текста и передать тончайшие оттенки замысла автора.

Подавляющее большинство анализируемых наименований-характеристик внешности лица, как уже видно из приведенных выше примеров, являются экспрессивными языковыми единицами, отражающими положительное или отрицательное отношение автора к тому или иному персонажу. Ш. Балли отмечал: «Вещи и явления производят на нас приятное или неприятное впечатление и делятся на два класса: те, которые нас радуют и те, которые причиняют неудобства и страдания... . Одни слова и выражения обладают, как говорят грамматисты, уничижительной окраской, а другие, наоборот, мелиоративной; одни несут преимущественно позитивную, а другие – преимущественно негативную оценку» [9]. Экспрессивность в работах многих учёных, например, в трудах Е. Ф. Петрищевой, В. К. Харченко, В. Н. Телии рассматривается как оценочная категория, с которой связано выражение отношения говорящего к предмету речи и эмоциональное воздействие на окружающих.

В. Н. Телия замечает, что «оценочная деятельность сознания – это деятельность прагматическая» [100]. А сущность прагматики излагается Ю. С. Степановым: «Прагматика занимается особыми, только ей присущими вопросами, которыми не занимается синтактика и семантика, и вопросы эти – те же, что в традиционной стилистике и в ещё более традиционной риторике: выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам, или, наконец, для наиболее удачной лжи; для наилучшего воздействия на слушающего или читающего с целью убедить его, взволновать и растрогать» [99].

Экспрессивность как «свойство лексической единицы актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноимённых с ним предметов и выразить эмоциональную оценку, данную ему от лица говорящего...» [59], присуща в анализируемых переводных текстах большинству морфологических производных, служащих для описания внешнего облика человека. Показателем экспрессивности у подобных лексем являются:

словообразовательные средства, в некоторых случаях выделяемые чисто условно, как, например, в употребляемом в просторечии слове *сопляк*, где лексическое значение складывается не просто из основы «сопли» и суффикса *-як-*, а в результате своеобразной семантической трансформации. Или в лексеме *образина*, где наряду со словообразующим формантом *-ина* имеет место сдвиг в семантической структуре слова.

В анализируемых переводных текстах это:

- отадъективные наименования, оформленные суффиксами *-ак(а)*, *-як(а)*, напр., *дохляк*, *толстяк*, *сопляк* и т.д.
- отсубстантивные словообразовательные дериваты общего рода, оформленные суффиксом *-ина*: *образина*, *уродина* и т.д.
- субстантивы, обозначающие собирательное множество людей, выделяющие в своём составе суффикс *-(ч)ьё*: *мужичьё*, *дурачьё*.

В оригинальных текстах, в лексико-тематической группе (далее ЛТГ) 'наименование лица', как правило, только суффикс *-ling* несёт экспрессивную семантику и служит для выражения презрения, пренебрежения, иронии, что, вероятно, обусловлено особенностями словообразовательной системы немецкого языка. Так, Г. Пауль признаёт, что суффикс *-ling* создаёт имена лиц яркие в эмоциональном отношении и придаёт словам оттенок презрения, но в очень ограниченном количестве слов.

Например, Schwächling (нем. разг. слабак), Weichling (нем. неженка) и пр. В остальных случаях экспрессия и, как правило, негативная оценка возникают в анализируемых немецких текстах благодаря определениям.

Например, о женщинах:

- «...если, к примеру, взять нашего брата парикмахера – жены у нас невозможные **образины**» [61].

“Denn was insbesondere die Perückenmacher angeht, so haben sie alle **hässliche Frauen**” (нем. безобразные женщины) [123].

Показательно, что подобные образования в языке перевода более экспрессивны, чем лексемы, употребленные самим Г. Манном: от эмоционально-насыщенных (здоровяк, толстяк, мужичьё) до просторечных (сопляк, образина).

Производящие основы. Такие дериваты образуются в тексте переводов от нейтральных основ, но с их оценочным переосмыслением, представляя собой достаточно адекватный перевод немецких лексем, как правило, нейтральных имен прилагательных, существительных или субстантивных словосочетаний, где основную смысловую нагрузку несёт адъектив.

Например, отсубстантивное образование «горбун» не только называет человека с горбом, но и несет в своей семантике негативную оценку:

- «Хоть на голову становитесь, а как были **горбуном**, так **горбуном** и останетесь» [123].

“Wenn Sie auch alles tun, was Sie sagen”, erklärte ihm Galileo, “**bucklig** sind Sie, und **bucklig** bleiben Sie” (нем. горбатый, сутулый) [61].

или отадъективные производные «юнец», «малец» – не только юный, молодой человек, но и пренебрежительно-ироничное отношение автора перевода:

- «Став на цыпочки, Полли повернул **юнца** к себе спиной, чтобы дать ему пинка» [61].

“...Polli hob sich auf die Zehen, um **den jungen Menschen** zu wenden und ihm den Fuß in das Gesäß zu setzen” (нем. молодой человек) [123].

- «Но помни, если ты не оставишь **мальца** в покое, между нами всё кончено» [61].

“...aber wenn du mir **den Jungen** nicht in Ruhe lässt, sind wir keine Freunde mehr” (нем. мальчик) [123].

Как видим, в содержательном плане подобные русские слова соответствуют немецким лексическим единицам, а в эмоциональном – нет. Ср.: юнец – *der Junge* (мальчик) или горбун – *bucklig* (сутулый, горбатый), где для передачи стилистически нейтральных немецких слов автор перевода употребил эспрессивно окрашенные русские лексемы, хотя русский язык располагает лексическими единицами, полностью адекватными немецким словам *der Junge* и *bucklig*.

Особого внимания заслуживают лексические единицы, где производящая основа, как и словообразующий формант, не является показателем экспрессивности, так как могут участвовать в образовании нейтральных лексем. К таковым относятся, например, отсубстантивные или указанные выше отадъективные образования с суффиксом *-к-*: *брюнетка*, *красотка*, *малютка* и т.д., являющиеся адекватным переводом субстантивированных прилагательных подлинника. Например,

- “*Die derbe Schwarze hieb einem halb Betrunkenen, der sie betastete, den Fächer um den Kopf*” (нем. черноволосая, брюнетка) [123].

«*Какой-то полупьяный субъект позволил себе обнять на ходу плотную брюнетку, и та стукнула его веером по голове*» [61].

- “*Die Kleine ...*” (нем. малютка) [123].

«*Ну-с, как наша милашка?*» [61].

В пределах анализируемых переводных текстов необходимо упомянуть о явлении словообразовательной синонимии в лексико-тематической группе ‘наименование внешности лица’. Присоединение разных формантов, способных выполнять одинаковую функцию, к одной производящей основе, бесспорно, указывает на широкие словообразовательные возможности русского языка. От одной производящей основы образуются два или более

слов, различающиеся оттенками лексических значений, эмоционально-экспрессивной окраской, стилистической маркированностью и частотностью употребления.

Например, милочка – милашка; мужик – мужлан – мужичонка – мужичьё;

красавец – красавчик; красотка – красавица – раскрасавица; детка – детина – дитя.

В большинстве случаев это словообразовательные синонимы, абсолютно одинаковые в смысловом и стилистическом отношении. Выбор той или иной лексемы обусловлен стремлением переводчика к передаче степени проявления того или иного признака, что позволяет передать тончайшие оттенки его эмоционально-субъективного отношения к соответствующим персонажам. Иногда это словообразовательно-стилистические синонимы, употребляемые в разных функциональных стилях.

Например, «старик» – нейтральная лексема; «старикан», «старикашка», «старичишка» – экспрессивно окрашенные и стилистически сниженные языковые единицы, причём степень стилистической сниженности внутри синонимического ряда различна: «старикан» – употребляется для выражения фамильярно-пренебрежительного отношения к тому или иному герою, «старикашка» – пренебрежительно-уничижительного, а «старичишка» – для выражения уничижительного отношения. Слово «старец», характеризующееся отнесённостью к высокому стилю, употреблено при переводе сатирического произведения по отношению к совершенно простому пожилому человеку, что создает дополнительный комический эффект.

В зависимости от типа словообразовательных средств в анализируемых переводных текстах можно выделить внутриспособную синонимию, созданную при помощи однопорядковых словообразовательных средств: малютка – малышка, и «межспособную синонимию» [73], которая создаётся разнопорядковыми формантами: красотка – раскрасавица.

Немецкий язык не обладает таким разнообразием словообразовательных средств, в частности аффиксов, для производства словообразовательных синонимов. Так, например, в языке оригинала использованы лексемы *der Schote* (фам. дурень, балда) и *der Bauer* (пренебр. мужик, о грубом неотесанном человеке), которым в русских текстах соответствует синонимический ряд: мужик – мужичонка – мужлан – вступающее в синонимические отношения собирательное существительное – мужичьё. Например,

- «Потому что мой брат самый обыкновенный **мужик**» [61].

“Denn mein Bruder ist nur ein **Bauer**” (нем. крестьянин, пренебр. мужик) [123].

- «...если только можно говорить о сходстве между мной и каким-то **мужичонкой**» [61].

“...soweit ein **Bauer** mir ähneln kann” (нем. крестьянин, пренебр. мужик) [123].

- «Да, но он уже совсем потерял голос...а так как нашему брату без аплодисментов, очевидно, жизнь не в жизнь, то он и ждет их теперь от **мужичья...**» [61].

“Aber er hat keine Stimme mehr;...und da man, scheint es, in unserem Leben das Händeklatschen nie entbehren lernt, müssen es nun die Fauste **der Bauern** besorgen...” (нем. крестьяне, пренебр. мужики) [123].

- «**Мужлан!** – живо ответил тот и хихикнул» [62].

“Der andere erwiderte prompt: «**Schote!**» lachte dabei” (нем. фам. дурень, балда) [124].

Вся экспрессия, ирония, в ряде случаев уничижительность, придаваемая данным русским лексемам словообразовательными средствами, в частности, суффиксами *-онк-*, *-ан*, *-чьё*, в немецком тексте актуализируется с помощью лексических средств, в частности эмоционально-окрашенными лексемами *der Bauer* (крестьянин, пренебр. мужик) и *der Schote* (дурень). Интересно отметить, что немецкая лексема *der Bauer*,

употребляемая в значении «крестьянин», является нейтральной лексической единицей. Но, меняя свою функционально-стилистическую направленность, данное слово становится разговорной лексической единицей и в исследуемых текстах приобретает фамильярное, пренебрежительное значение «мужик» для обозначения необразованного, простоватого человека, занимающегося, как правило, физическим трудом.

Или выразительные благодаря содержащимся в них суффиксам русские лексемы старик – старец – старикашка – старичишка – старичонка – старикан – старикашечка стремятся в полной мере отразить семантику немецких слов: имени прилагательного, субстантивированного прилагательного, различных существительных, относящихся к отдельным функциональным стилям.

- «Знаменитый певецокончательно скис и выглядел **стариком**....» [61].

“Der berühmte Sanger war....ganz in sich zusammengefallen und sah **alt** aus”. (нем. старый) [61].

- «Упрямый **старик** назло всем поддерживает местных клерикалов» [61].
“**Dieser** verstockte **Alte** gibt sich als Stutze der hiesigen Priesterpartei her” (нем. субст. прилаг. старый, старик) [123].

- «Что скажешь, **старикан**?» [61].

“Wie, **mein Älter**?” (нем. субст. прилаг. старик) [123].

- «**Старикашечка**...» [60].

“**Älterchen**...” (нем. сущ. старичок) [122].

- «**Старикашка**...» [60].

“**Der Olle**...” (нем. берл. фам. старик) [122].

- «Старик Бук.... уже не был прежним почтенным **старцем**....» [124].

“Der alte Buck...war kein Würdiger **Greis** mehr....” (нем. книжн. старик, старец) [62].

Из приведенных примеров видим, что, благодаря различиям в системе словообразования немецкого и русского языков, авторы переводных текстов получают определенную свободу в выборе средств и могут в полной мере использовать всё многообразие и богатство системы аффиксов русского языка, которые могут являться носителями не только номинативных, но и эмоционально-оценочных значений.

Третью группу образуют семантические производные, где ярким показателем экспрессивности служит семантическая трансформация, в основе которой лежит образность, как «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить внеязыковую информацию посредством целостного наглядного представления-образа с целью характеристики обозначаемого им лица... и выражения эмоциональной оценки субъекта» [59]. Авторы переводов используют не только лексемы – общие характеристики лица, но и слова, которые способны вследствие разнообразной семантической трансформации становиться ярким и образным выражением качественного свойства того или иного персонажа. «Образность, в основе которой лежит перенос, является своеобразным усилителем выразительности текста. Поэтому именно переносное значение обладает большей экспрессией, усиливающей эмоционально-оценочный, эстетический и другие виды языковой информации» [108]. В использовании именно такой лексики заключается специальный художественный замысел, в результате которого реализуется авторская эстетическая функция, а языковые единицы обогащаются «обертонами смысла» [56].

Образование новых слов в результате семантических преобразований в смысловой структуре всегда привлекало внимание лингвистов. Ещё Г. О. Винокур в «Заметках по русскому словообразованию» уделял внимание проблеме лексико-семантического словопроизводства. В. В. Виноградов, впервые выделивший лексико-семантический способ словообразования, рассматривал его как «переосмысление прежних слов, формирование

омонимов путём распада одного слова на два» [18]. В. М. Марков понимает лексико-семантический способ словообразования как качественный «скачок в виде акта рождения нового слова, происшедший в результате накопления различных ассоциаций по мере употребления слова» [63].

В языке анализируемых романов и их переводов замечено огромное количество лексем, образованных на основе семантической трансформации и необходимых как автору, так и переводчикам для создания живых образов, посредством которых реализуется основная сатирическая мысль в языке исследуемых произведений.

Важно заметить, что всё многообразие языковых средств, характеризующих личность в языке текста-оригинала, авторы переводов стремятся передать на русский язык, так как «сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее точное воспроизведение целого сочетания элементов, задача чрезвычайно сложная» [105]. Ещё В. Г. Белинский заметил, что «близость подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа сознания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. ...надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» [12].

Наиболее распространённые явления в данной группе слов это:

1) достаточно стандартный общезыковой перенос определённых качеств животного на человека, вследствие чего в результате семантической трансформации возникает семантический дериват, обладающий особой выразительностью. В. К. Харченко пишет: «Ещё точнее и “единичнее” сравнения людей со зверями, птицами, гадами, насекомыми. Этот – орёл, а тот – голубь;не человек – змея...; индюком надулся; он телёнок: куда поведут! Приблизительно, а до чего ж точно всякий раз!» [108].

Образное переосмысление семантики зоонимов закреплено в языке и является основой одной из самых продуктивных моделей лексико-семантического образования существительных - характеристик лица.

Например, о женщинах одного итальянского городка, обсуждающих очередное происшествие на площади:

- «Эк они гогочут и машут крыльями, эти **гусыни**, – сказал хозяин табачной лавки, которому отсутствие жены заметно придало храбрости» [61].

“Wie sie um ihn her schnattern und Flügel schlagen, die **Gänse!** (нем. гусыни) [123].

Или об учителе-тиране:

- «На кого похож этот человек! Не то **паук**, не то **кошка**, глаза сумасшедшие, по лицу катятся разноцветные капли пота, трясущиеся челюсти в пене» [60].

“Eine große schwarze **Spinne**....”(нем. паук) [122].

О горожанах:

«**Пёс** ты, вот ты кто!» [61].

“Ein **Hund** bist du!” (нем. собака, пёс) [123].

«Ага, папаша Джовакконе, **свинья** ты этакая!» [61].

“Ah! Freund Giovaccone, **Schwein**, das du bist....” (нем. свинья) [123].

О труппе актёров, посетивших провинциальный итальянский городок:

«Кто наслал на город всю эту **саранчу**?» [61].

“Wer hat diese **Bande von Abenteurerinnen** auf die Stadt losgelassen? (нем. банда авантюристок) [123].

Характеристика человека свойствами и качествами животного имеет, как известно, многовековую историю. Отдельные животные являются символом определенных качеств. Таким образом, анализируемые метафоры называют и оценивают именуемое. В немецком языке, как и в других европейских языках, наименование животных также широко используется с этой целью. Указанный семантический перенос является довольно сильным

экспрессивным средством и обычно предполагает яркую образность и резкую сниженность в характеристике качеств человека.

Необходимо отметить, что в анализируемых переводных текстах семантические дериваты-наименования лица, как правило, соответствуют таковым в тексте-оригинале. Обращает на себя внимание последний пример, где для обозначения труппы актеров, приехавших с гастролями в провинциальный итальянский городок, автор употребил словосочетание «Bande von Abenteuererrinnen» (банда авантюристок), являющееся нейтральным по сравнению с русским зоонимом «саранча», который обладает экспрессией и большой смысловой емкостью, включающей в себя и яркую образность, и негативную оценочность.

Перенос по типу: название предмета → название человека

О монашке:

«Аббатиса? – спросил он и простёр руки, чтобы схватить легкокрылую **тень**» [61].

“Abtissin? – fragte er und langte sich der **Erscheinung**” (нем. видение, призрак) [123].

«Ишь пристала!... да и кому захочется в рай, если у ворот торчит такое **огородное чучело**» [61].

“Wenn übrigens eine **Vogelscheuche** wie du davorsteht, wird niemand in den Himmel wollen” (нем. пугало) [123].

Например, о полном корпоранте Деличе, постоянном посетителе пивного бара:

«Нечто успокоительное было в этой гладкой белой **глыбе жира**, которая широко переваливалась через края стула...» [62].

“Etwas tief Beruhigendes, Vertrauengestattendes wohnte in dieser glatten, weißen und humorvollen **Speckmasse**, die unten breit über die Stuhlrän­der quoll...” (нем. масса жира) [124].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет последний пример, где русское словосочетание «глыба жира», служащее в переводе для характеристики полного человека, не является узуально употребимым в русском языке. В немецком тексте, как видим, с той же целью употреблен определительный композит «Speckmasse» (масса жира), что позволяет нам полагать, что употребленное в переводе словосочетание это своеобразная калька с немецкой лексемы.

В отличие от зоонимов, в целом совпадающих в оригинале и в языке перевода, наименования лица по данному типу переноса в переводе, как правило, отличаются от лексем, употреблённых автором в произведениях, что объяснимо различием в культурном наследии русского и немецкого народов. «Метафора любит работать на той области идеального, которую принято называть коннотациями значения слова... Коннотации, имеющие своим источником потребительское и эмоциональное отношение к предметам, стандартизируются, входя в картину мира того или другого народа» [5]. Возникая в языке, метафоры, как известно, базируются на представлениях, на экстралингвистических знаниях, житейском опыте носителей того или иного языка, что влечет за собой различия в ассоциациях немецкого и русского народов или отсутствие того или иного образа в каждом из языков.

Например, о стройной актрисе, певице со светлыми волосами:

- «Вот уж не подумала, что эта **белобрысая жердь** ещё на что-нибудь способна, а не только с мужчинами валандаться» [61].

“Ich dachte nicht, dass die **große Gelbe** zu etwas anderem gut sei, als sich mit den Herren umherzutreiben....” (нем. большая блондинка) [123].

Русский переводчик употребил лексему «жердь» для характеристики высокой женщины, не только на основе сходства внешнего признака, а дабы усилить ироничное, уничижительное отношение к называемому персонажу. В оригинальном произведении, как видно из примера, использованы

нейтральные лексемы, так как в немецком языке вообще отсутствует подобная ассоциация высокого человека с жердью.

Здесь также необходимо упомянуть и о наименовании человека по какому-то признаку или обладанию каким-то выразительным свойством. В исследуемых текстах это перенос по типу: ЛТГ тембр голоса → человек, обладающий этим голосом.

Например, о человеке, поющем тенором:

«А **тенор**, не зная, куда лезть себя, смешался с толпой» [61].

“**Der Tenor** drang planlos in die Menge ein” (нем. тенор) [123].

Или о человеке, имеющем баритон:

«Его товарищ, **баритон**, стоял перед ним и говорил...» [61].

“Sein Kamerad, **der Bariton**, stand vor ihm und sagte...” (нем. баритон) [123].

Как видим из примеров, наименования лица по данному типу полностью совпадают в тексте-оригинале и в переводе на русский язык, что объяснимо особенностью метонимии выполнять, как пишет Н.Д. Арутюнова, идентифицирующую функцию. Употребление слов: дискант, баритон, тенор, бас и пр. «с определенной референцией обеспечено тем, что данный метафорический признак способен однозначно выделить лицо из числа других лиц, входящих в некую социальную иерархию» [5]. К тому же это специфическая музыкальная терминология, звучащая одинаково во многих языках.

Перенос по типу: название предмета → название части тела человека также замечен в исследуемых переводных текстах. Итогом такой трансформации является образование экспрессивных лексических единиц, обладающих оценочным компонентом.

Например, лапы – о руках:

«... лучше пойти в солдаты, чем видеть свою возлюбленную гибнущей в **лапах** такого мерзавца» [60].

- Или провал – о рте:

- «Гнус увидел, что целые ряды уже сидят, до ушей раскрыв зияющие пасти с двумя жёлтыми клыками и зияющим **провалом** посередине или полумесяцами белых зубов, сверкающих над полукруглой морской бородкой или под щёточкой усов на верхней губе» [60].

Ярко выраженный оценочный характер подобных лексем можно проследить на примере языковых единиц, образующих синонимический ряд: персты – пальцы – костяшки – розовые сосиски – щупальца, где «пальцы» – стилистически нейтральная лексема; «костяшки», «щупальца» – стилистически маркированные единицы с заниженной оценкой, и, наоборот, устаревшая лексема «перст» – слово, характерное для высокого стиля. Подобные лексемы необходимы для характеристики отрицательного персонажа, каковым является ослеплённый верноподданническими чувствами, пресмыкающийся перед сильными мира сего, воплощение характерных черт немецкой буржуазии вильгельмовской империи – Дидерих Геслинг, персонаж романа «Верноподданный» или ненавидимый всеми, маниакально жаждущий власти учитель-тиран Гнус из романа «Учитель Гнус».

Итак, имена существительные представляют собой наиболее выразительный и многочисленный класс слов, характеризующийся многообразием эмоционально-экспрессивных средств.

Особую яркость переводным текстам придаёт использование переводчиками стилистически окрашенных лексем, а также экспрессивов, возникающих при помощи морфемных средств или на основе разнообразной семантической трансформации.

Приведённые примеры позволяют в очередной раз убедиться в богатстве синонимических возможностей русского языка, использование которых обусловлено необходимостью передачи замысла автора, всей атмосферы произведения, а также переводческим субъективизмом.

Большинство морфологически производных, экспрессивно окрашенных лексических единиц русских переводов выступают в качестве

адекватных соответствий нейтральным субстантивным словосочетаниям текста-оригинала, в которых эмоционально-оценочную нагрузку несет определение. Это подтверждает широкоизвестный факт о полифункциональности и ёмкости аффиксов русского языка.

Семантические дериваты в переводах и в немецких текстах обнаруживают одинаковые типы переносов и в большинстве своём совпадают, что говорит о наличии одинаковых ассоциативных связей и образов в русском и немецком языках.

Большинство лексем, характеризующих внешность человека, имеют негативную оценку, что, вероятно, связано с желанием писателя, а также авторов переводов дать именно отрицательную сатирическую характеристику тому или иному персонажу, а также самим жанром социального романа, стержнем которого является обличение и критика.

1.2 Адъективы – характеристики внешности лица

Существительные, выполняющие номинативную функцию, в большинстве своём употребляются в сочетании с определениями,

выраженными в основном прилагательными. «Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета» [17], причём признак понимается В.В. Виноградовым широко – это и качество, и отношение, и свойство, и принадлежность кому-либо, чему-либо. Поэтому именно понятие качества является дифференцирующим семантическим признаком имени прилагательного.

Прилагательное, как имя качественное, не только указывает на характерные внешние признаки персонажа, но и под влиянием контекста способно вызвать у читателя необходимое представление о том или ином герое повествования. Семантика прилагательных носит прагматический характер, поскольку они могут обозначать не только объективные свойства вещей, но и выражать отношение говорящего к предмету речи.

В силу своеобразия своей семантической структуры прилагательные широко представлены в переводных текстах, что обусловлено сатирическим характером исследуемых произведений, где задача автора заключается в том, чтобы «актуализировать в сознании читателя лингвистическими средствами систему таких экстралингвистических образных отношений, которые не оставят его равнодушным, разбудят его эмоции, привлекут внимание и сформируют интерес к изображаемому» [26].

Исследуемый материал позволяет выделить следующие группы прилагательных, характеризующих внешний облик человека.

Непроизводные образования, называющие внешний признак, характеризующиеся высокой частотностью в исследуемых текстах. Они, как правило, выступают в сочетании с наименованиями частей тела, усиливая экспрессивность при описании внешности тех или иных персонажей произведений.

«Ломан только отмахнулся от него своей **тонкой** рукою» [60].

“Lohmann machte nur noch eine vornehm ablehnende Bewegung mit seiner **spitzen** Hand” (нем. разг. худой) [122].

«Одеревенелый подбородок Гнуса с **жидкой** бородёнкой начинал ходуном ходить» [60].

“Sein hölzernes Kinn mit dem **dünnen**, graugelben Bärtchen daran klappte herunter und hinauf” (нем. жидкий, редкий) [122].

«Не имея возможности уличить крикуна, он поневоле пробирался дальше на своих **тощих**, искривлённых ногах» [60].

“...und mußte weiterschleichen auf seinen **magern**, eingeknickten Beinen” (нем. тощий) [122].

«Мимо проходил все тот же **древний** старичок...» [61].

“In diesem Augenblick kam **der** kleine **Uralte** vorbei...” (нем. субст. прилаг. древний) [123].

«Смех сотрясал всё её **щуплое** тело, на посиневших висках выступили все жилки» [61].

“**Thr schmaler** Körper ward geschüttelt, aus dem bläulichen Gesicht traten die Adern” (нем. худой) [123].

«У Ломана была **пышная чёрная** шевелюра, одна прядь постоянно выбивалась и меланхолически ниспадала на лоб» [62].

“Lohmann war ein Mensch mit **schwarzen** Haaren, **die über der Stirn sich bäumten** und zu einer schwermütigen Strahne zusammenfiehlen” (нем. черный; волосы, которые стояли дыбом надо лбом) [124].

Как видим, большинство производных русских прилагательных являются полными эквивалентами эпитетов, употребленных Г. Манном. И лишь в последнем примере переводчик, на наш взгляд, правомерно употребил слово *пышная* в сочетании с существительным «шевелюра», в семантике которого также содержится указание на большое количество волос, а подобное словосочетание является достаточно употребительным и стилистически нейтральным в современном русском языке, в то время, как оригинал содержит яркую, эмоционально-насыщенную синтаксическую конструкцию «... die schwarzen Haaren, die über der Stirn sich bäumten» (черные волосы, стоявшие дыбом надо лбом).

Особую роль в языке переводов играют производные прилагательные, обозначающие цвет и широко представленные в анализируемых произведениях в сочетаниях того же самого типа.

«Лицо у него было совсем **серое...**» [60].

“**Er sah sehr grau aus...**” (нем. он выглядел очень серым) [122].

«Он пожелал бы, чтобы у него тоже была такая **красная** шея...» [62].

«Auch er hatte gern solchen **roten** Hals gehabt...» (нем. красная) [124].

«На главных улицах потеющие матроны штурмовали омнибусы; рядом с их **пунцовыми** лицами, приказчики казались обморочно-бледными» [62].

“...stürmten schwitzende Matronen einen Omnibus; und die Gesichter der Kommiss...sahen neben ihren **heftig roten** zum Umfallen blass aus” (нем. сильно красный) [124].

« ...и её блестящие круглые глаза на **белом**, прозрачном, как желатин, лице испуганно блуждали по толпе зрителей» [61].

“...fragte Rosina Giocondi und führte in ihrem Gesicht, daß **weich** und durchsichtig wie Gelatine war, die blanken Kugelaugen über die Menge” (нем. мягкий) [123].

« ...оттуда прошмыгнула в храм какая-то **черная** фигура» [61].

“...schlupfte eine **schwarze** Gestalt heraus und in die Kirche” (нем. черный) [123].

«...в поле зрения Гнуса появилась изогнутая диадема на **рыжих** локонах и **пестрая** щека под высоко заломленной **чёрной** бровью» [60].

“Sie neigte den Kopf nach hinten; ...erschien das verbogene Diadem auf ihrer **rötlichen** Frisur und eine **bunte** Wange unter einer hohen **schwarzen** Braue” (нем. рыжеватый; пестрый; черный) [122].

Как видим, большинство непроизводных прилагательных, обозначающих цвет в переводных текстах, являются адекватными соответствиями немецких адъективов с той же семантикой.

Отыменные адъективы с суффиксом - *ист*-, имеющие:

► значение сравнения, ‘подобный тому, что указано производящей основой’.

«На этот раз у отца... дрогнула рука и слеза, прыгая по морщинам, скатилась на щетину **серебристых** усов» [62].

“...zuckte diesmal die Hand, und in die eine Bürste seines **silbrigen** Kaiserbartes lief, über die Runzeln hupfend, eine Trane” (нем. серебристый) [124].

«Ночами ему снилось, что из конторы выходит отец, и лицо у него **землистое**, как тогда в гробу...» [62].

“Nachts freilich träumte er, der alte Herr trete aus dem Kontor, mit dem **ergrauten** Gesicht, das er als Leiche gehabt hatte...” (нем. состарившееся) [124].

«Он разглядывал её пухлое розовое лицо с **мясистыми** губами и дерзким вздернутым носиком» [62].

“Diederich betrachtete sie forschend: das dicke, rosige Gesicht mit dem **fleischigen** Mund und der kleinen, frech eingedruckten Nase” (нем. мясистый) [124].

«Эрцум сидел посреди комнаты...его красное лицо под рыжей **щетиистой** шевелюрой, блестевшей в свете лампы, было упорно обращено к двери» [60].

“Ertzum saß in der Mitte, mit den Ellenbogen auf dem Tisch; ...und sein blondrotes Gesicht unter **einer Kuppel roter Borste**...blieb unverrückt nach der Tür gerichtet” (нем. купол из красной щетины) [122].

Все русские лексемы данной словообразовательной модели полностью передают лексическое значение подобных немецких прилагательных, за исключением слова «землистый», употребленного переводчиком для передачи немецкого причастия «ergraut» (постаревший), и нейтрального слова «щетинистый», с помощью которого автор перевода стремился актуализировать смысл немецкого словосочетания «eine Kuppel roter Borste» (купол рыжей щетины), которое представляет собой яркое, экспрессивное индивидуально-авторское образное переосмысление.

► значение ‘обладающий множеством чего-либо’.

«Он галантно улыбнулся и поднес **морщинистую** руку к сердцу» [61].

“Er lächelte galant und führte seine **welke** Hand ans Herz” (нем. дряблый) [123].

В данном примере наблюдается небольшое расхождение в семантике лексем, употребленных автором и переводчиком, но оно, на наш взгляд, несущественно, так как обе лексемы нейтральны и принадлежат одному функциональному стилю.

► отадъективные прилагательные с суффиксами *-оват*, *-еват*, придающими прилагательным значение ‘небольшой степени признака’

«Видимо, ему неизвестно, кто этот **седоватый** господин, вон за тем карточным столиком у окна?» [60].

“Er wisse wohl gar nicht, wer der **melierte** Herr am Spieltisch gleich beim Fenster sei?” (нем. причаст. с проседью) [122].

«Её пальчики, **грязноватые** и засаленные, легко скользнули в его костлявые пальцы» [61].

“Ihre kleinen Finger, **ein wenig grau** und fettig, schlupfen weich zwischen seine Knöchel” (нем. немного серые) [123].

«Лицо **желтоватое**; лоб, можно сказать, широкий, и он его так высокомерно морщит...» [60].

“Er ist **gelblich** von Gesicht; er hat einerseits eine breite Stirn, welche er auf eine gewisse überhebliche Art in Falten legt” (нем. желтоватый) [122].

«Всё в Вибеле казалось ему утончённо-аристократическим: и то, что **рыжеватая** щетина усов росла на губе...» [62].

“Alles in Wiebel dünkte ihm erlesen: dass die **rötlichen** Barthaare ganz oben auf der Lippe wuchsen...” (нем. рыжеватый) [124].

Значение небольшой степени признака, характерное в русском языке для адъективов с суффиксами *-оват-*, *-еват-*, реализуется в немецком языке посредством суффикса *-lich*, присоединяемого к основе прилагательного: *rötlich* – рыжеватый; *gelblich* – желтоватый. Переводчик также употребил прилагательные: **грязноватый** (**грязноватые** пальчики) и **седоватый** (**седоватый** господин), стремясь адекватно передать семантику оригинальных лексем: сочетания наречия и прилагательного *ein wenig grau* (немного серые) и причастия II *meliert* (с проседью).

► отсубстантивные прилагательные, приобретающие качественное значение ‘подобный тому, что названо производящей основой’

«Молодой Савеццо стоял, прислонясь к стене, уставя в землю **шишковатый** лоб, и незаметно следил за ними» [61].

“Der junge Savezzo lehnte an der Mauer und spähte unter seiner **wulstig gesenkten** Stirn hervor” [123].

«Но Кизелак опередил **мешковатого** графа» [60].

“Aber Kieselack kam dem **breiten** Junker zuvor” (нем. широкий) [122].

«Он шёл с пачкой писем в руках; вид у него был весьма **фатоватый**» [61].

“Er näherte sich mit einem Packen Briefe in der Hand und **sah geckenhaft aus**” (нем. выглядел франтовато) [123].

« ...либо это рыжий **придурковатый** детина, которого тиран благодаря своему умственному преимуществу держит в состоянии вечной тревоги» [61].

“...oder ein **dummer**, starker Kerl, den Tyrann durch seine geistige Vorherrschaft in fortwährender Verstörtheit erhielt...” (нем. глупый) [123].

«Она то и дело гладила рукой...его трясущуюся челюсть, **угловатые** глазницы, из которых его глаза злобно косились на весь мир...» [60].

“Sie stich immer... mit den Fingern um den Umriss seiner hölzernen Maske, um die klappernder Kiefer, die **eckigen** Hohlen, aus deren Winkeln seine Augen hervorschielten” (нем. угловатый) [122].

В приведенных примерах наблюдаются некоторые расхождения в употреблении русских и немецких прилагательных: переводчик использовал лексему «мешковатый» (мешковатый граф) для передачи значения ‘подобный тому, что названо производящей основой’, обладающую определенной долей образности и переосмысления, эмоциональным компонентом значения и негативной оценкой. Немецкий текст содержит непроизводное нейтральное прилагательное *breit* (широкий). Русская лексема «придурковатый», со значением ‘подобный тому, что названо производящей основой’ употреблена в качестве эквивалента немецкого непроизводного прилагательного *dumm* (глупый). Таким образом, использовав производные русские лексемы «мешковатый» в семантически преобразованном виде и созданное суффиксально-префиксальным способом

слово «придурковатый», соотносимые с нейтральными неизменяемыми немецкими прилагательными, переводчик придал языку русского текста больше эмоциональности и экспрессии.

Как уже отмечалось, в силу своей семантики прилагательному в большей мере присуще наличие семы оценочности в смысловой структуре. Поэтому большой частотностью отличаются отыменные качественно-относительные прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-* с широким спектром значений, употребляющиеся метафорически и носящие оценочный характер как положительный, так и отрицательный. «Развитие качественных значений у подобных имен прилагательных находит себе опору в качественных оттенках значений имен существительных», от которых эти прилагательные образованы. [17]. Например, прилагательное «мраморный», употребленное в переносном значении ‘белый, гладкий, как мрамор’; прилагательное «моржовый», где значение принадлежности «растворяется в общих оттенках относительной качественности (свойственный кому-нибудь...)» [17] и пр.

«Все чуть ли не с ужасом смотрели на певца: словно в небесах, не смолкая, звенел призыв светлого небожителя, таившего в своём **мраморном** теле неуёмный жар жизни» [61].

“Zuletzt hielten alle den Atem an und starrten, dem Schrecken nah: als schnitte durch den Himmel der unvergängliche Ruf eines Unsterblichen, eines **Marmors**, glühend von ungeheurem Leben” (нем. мрамор) [123].

«Кьяралунци фыркнул, распушив **моржовые** усы» [61].

“Er ist ein böser Mann – und Chiaralunzi schnob, dass sein **langer** Schnurrbart aufflog” (нем. длинные) [123].

«Там, где над головами неистово жестикулировали чьи-то **восковые** руки, слышались визгливые, гневные проклятия» [61].

“...wo ein Paar **wachsblasser** Hände durch die Luft schwangen, brach ein hohes, zorniges Jammern an” (нем. бледные, как воск) [123].

«И его **масленные** глазки обшаривали докторшу снизу вверх..., упираясь в аппетитный вырез на её **сдобной** шее» [61].

“Seine Augen, **die sich verschleierten**, irrten ...bis auf das entblößte Stuck ihres **gepolsterten** Nackens” (нем. die sich verschleierten “завуалированные», с поволокой ; причаст. gepolstert набитый чем-либо) [123].

«Ой ли? – и **пергаментное** лицо адвоката расплылось в циничной ухмылке» [61].

“Das heißt – und das **lederfarbene** Gesicht des Advokaten ging in ein zynisches Lachen auseinander...” (нем. цвета кожи) [123].

«...что вот-вот на плечо им упадет чья-то **свинцовая** рука...» [62].

“...daß eine **schwere** Hand sich ihnen auf die Schultern lege” (нем. тяжелый) [124].

Как видно из приведенных примеров, при образовании относительных прилагательных в качестве производящих основ выступают слова с самой разнообразной семантикой: обозначения природных материалов, наименования животных, подвергшиеся переосмыслению и ставшие оценочными. Немецкий текст менее богат лексемами, обнаруживающими подобные семантические сдвиги, и отличается использованием нейтральных непроизводных прилагательных, причастий или синтаксических конструкций. Например, «свинцовая рука – schwere Hand» (тяжелая рука) или «моржовые усы – langer Schnurrbart» (длинные усы) и т.д.

Следующий тип, представленный в исследуемых текстах – притяжательные прилагательные. Как известно, притяжательные прилагательные несут функцию указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю. Но, используя автором в так называемом переносном значении, они «легко развивают качественные значения, так как грань между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна» [17].

«Видно было, как, выпучив глаза и ощерив **волчьи** зубы, он разоряется в партере, собирая вокруг себя народ и призывая к мятежу» [61].

“Man sah ihn, mit seinen herausquellenden Augen und seinem **furchtbaren Gebiss...**” (нем. ужасные оскаленные зубы) [123].

- «Секретарь, уставясь на них **рыбьими** глазами, поправил элегантный галстук и принялся протирать стёкла пенсне» [61].

“Der Gemeindesekretar betastete seine elegante Krawatte, begann seinen Klemmer zu wischen und sah mit **Fischaugen** darein” (нем. рыбы глаза) [123].

«Меня – долой? – взревел булочник и угрожающе поднял к галёрке свою **бульдожью** физиономию» [61].

“Wie? – antwortete er und hielt sein **Bulldoggen Gesicht** hin” (нем. бульдожье лицо) [123].

«Его **заячий** профиль улыбался подобострастно и хитро» [61].

“Sein altes **Hasenprofil** lächelte zahm und schlau” (нем. заячий профиль) [123].

«Ибо полюбив, он понял, как нелепо выглядит на школьной скамье, когда, стараясь втянуть свою **бычью** шею, отвечает урок с запинками...» [60].

“...dass er sich lächerlich ausnahm auf der Schulbank... den **Stiernacken** geduckt, hilflos...” (нем. бычья шея) [122].

«**Собачьи** глаза старого воина сияли» [60].

“Die **Hundeaugen** des alten Kriegers leuchteten” (нем. собачьи глаза) [122].

Как правило, все русские относительные прилагательные представляют собой в исследуемых текстах адекватные соответствия немецким сложным определительным композитам, первый компонент которых эквивалентен русскому адъективу.

Довольно распространёнными в анализируемых текстах являются отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*, со значением качества, обусловленного результативностью действия.

«Его **впалые** щёки порозовели, выпуклые заячьи глаза блестели, как стеклянные» [61].

“Die **Hohlen** in seinen Wangen waren rosig, und seine gewölbten Hasenaugen glänzten wie Glas” (нем. впадины щек) [123].

«Но долговязый, костлявый портной ... в пояс поклонился..., да так низко, что затряслись кончики его **отвислых** рыжеватых усов» [61].

“Aber der lange starkknochige Schneider ...verbeugte sich mit Wucht, daß die Spitzen seines **hangenden**, rostroten Schnurrbartes schaukelten...” (нем. причаст. висящий) [123].

«Эрцум **ошалелыми** глазами смотрел на них» [60].

“Ertzum sah ihnen zu, **verstörten** Blicks...” (нем. отглагол. прилаг. растерянный, смущенный) [122].

«Она то и дело гладила рукой, словно затем, чтобы привыкнуть, его **одеревенелое** лицо, трясущуюся челюсть....» [60].

“Sie stich immer...mit den Fingern um den Umriss seiner **hölzernen** Maske...” (нем. деревянный) [122].

«Но на улице Эрцум упёрся – и ни с места; **отупелый**, отяжелевший, он приник к обители своей горести» [60].

“Draußen wollte Ertzum nicht mehr vom Fleck; er lehnte sich, schwer und **stumpf**, an das Haus seiner Enttäuschungen” (нем. тупо, равнодушно) [122].

«Наконец в дверях показались **оторопелые** лица, а между ними – в одной рубашке – синьора Маландрини» [61].

“Die ersten, **erstarrten** Gesichter erschienen in der Tür, und zwischen ihnen, im Hemd, Frau Malandrini” (нем. причаст. оцепеневшие, застывшие) [123].

Как видно из приведенных примеров русским отглагольным прилагательным с суффиксом *-л-*: «отвислые, оторопелый, впалый» соответствуют в оригинале лексемы, относящиеся к различным частям речи: причастие I (*hängende* – висящий), причастие II (*erstarrten* – оцепеневшие), существительное (*Höhle* – впадина). «Прилагательные с суффиксом *-л(ый)*

некогда отделились, оторвались от причастий на -л и получили значение: находящийся в каком-нибудь состоянии...или такой, каким стал под влиянием какого-нибудь действия» [17]. Обладая способностью передавать различные отношения, подобные русские прилагательные на -л(ый) представляются нам наиболее адекватным переводом широко распространенных немецких причастий.

Качественные адъективы, образованные от именной основы с помощью суффикса -н-, также широко используются автором для описания внешности своих героев.

«**Роскошная** женщина! – шепнул адвокат на ухо проезжему» [61].

“Eine **schone** Frau, – wisperte der Advokat dem Reisenden ins Ohr” (нем. красивый) [123].

«Его **ужасная** дочь уже всё знает» [61].

“Seine **schreckliche** Tochter wußte schon alles” (нем. ужасный) [123].

«... ей приходилось подвергать опасности свою чистоту, общаться с **грязными** людишками, даже с Гнусом» [60].

“...mußte sie ihre Reinheit Gefahren aussetzen und mit **schmutzigen** Leuten verkehren, sogar mit Unrat” (нем. грязный) [122].

«И когда столяр Витторино Баккала, подхватив под руку какое-то **миниатюрное** пестрое создание, скрылся с ним в подъезде у соседнего фонаря....» [61].

“Als der Tischler Vittorino Baccala, im Arm ein ganz **kleines**, buntes Geschöpf, das Haus bei der nächsten Laterne betrat...” (нем. маленький) [123].

Большинство русских отыменных прилагательных с суффиксом -н- являются адекватными соответствиями оригинальным неизменяемым прилагательным, за исключением пары: ужасная дочь – *schreckliche Tochter*, где *schrecklich* – представляет собой морфемное производное от существительного *der Schreck* (ужас, страх).

Большинство анализируемых лексем являются экспрессивными образованиями, характеризующими лицо не только с качественной, но и с «количественной» стороны. Как известно, такая качественно-количественная характеристика, отражающая меру явления, именуется “интенсивностью” [59]. Интенсивность, как один из компонентов коннотативного значения слова, сочетается у прилагательных с уменьшительным суффиксом *-еньк-*, вследствие чего лексемы, образованные от нейтральных или даже положительно-оценочных прилагательных, могут приобретать ироническую окраску и отрицательную субъективную оценку.

- «А вы, синьоры, - надрывался **щупленький** брадобрей, - дотроньтесь до моей щеки и скажите, можно ли подумать...» [61].

“Und die Herren,- kreischte der **kleine** Barbier, bitte ich, mir nur einmal über die Wange zu streichen und dann zu sagen...” (нем. маленький) [123].

«Редактор Нотгрошен, **серенький** и невидный, переходил от группы к группе» [60].

“Der Redakteur Nothgroschen seinerseits ging **grau** und unbeachtet von den einen zu den anderen” (нем. серый) [122].

«Усевшись, он широко раздвинул **толстенькие** ляжки и свесил между ними загорелые кулачки» [61].

“Er hielt die kurzen, **fetten** Schenkel weit auseinander und ließ die kleinen, goldbraunen Fauste dazwischen herabhängen” (нем. жирный, толстый) [123].

Необходимо отметить, что наличие суффиксов субъективной оценки в категории прилагательного – это отличительная черта русского языка и не встречается в немецком языке. Употребление прилагательных с подобными суффиксами при переводе с немецкого обусловлено самим лексическим значением соответствующего немецкого адъектива, которое содержит указание на размер, отрицательную эмоциональную оценку и т.д.

Исследуемые переводные тексты отличаются большим количеством сложных прилагательных, являющихся в большинстве своём индивидуально-авторскими эпитетами, активно используемыми в описаниях людей.

► первое прилагательное может конкретизировать другое. Такие эпитеты широко распространены в обозначении цвета:

«**Золотисто-карие** глаза посажены близко друг к другу» [60].

“Ihre **gelbbraunen** Augen lagen zu nahe beieinander ...” (нем. желто-коричневый) [122].

- «Он смотрел на Агнес, на освещённый солнечным лучом висок с **бледно-голубыми** жилками под сеткой рыжих волос» [60].

“Diederich sah dem zu und sah in der Sonne die **hellblauen** Adern, überzogen von roten Haaren...” (нем. светло-голубой) [122].

«Дешёвая пудра щекотала его ноздри, перья царапали лицо: визгливые голоса, **мучнисто-белые** вздёрнутые носики и пёстрые платица вихрем вертелись вокруг» [61].

“Billiger Puder staubte ihm in die Nase, Federn kitzelten ihn; grelle kleine Stimmen, **mehlweiße** Stumpfnasen und bunte Fähnchen, alles wirbelte um ihn her” (нем. белый, как мука) [123].

«Тут подбежал **багрово-красный** от выпитого вина барон Торрони» [61].

“Der Baron Torroni kam, vom Wein **brandrot**...” (нем. огненно-красный) [123].

Как видим из примеров, русские сложные имена прилагательные с большой степенью адекватности передают семантику немецких композитов, обозначающих цвет.

► конкретизируются другие свойства:

«Потом скользнула к нему на колени, уткнулась лицом в его плечо и затараторила **шутливо-смирненным** голоском....» [60]

“Sie glitt auf seine Knie, versteckte das Gesicht hinter seiner Schulter und fragte **demütig scherzend**...” (нем. причаст. смиренно шутя) [122].

В качестве эквивалента русскому сложному прилагательному выступает причастный оборот в немецком тексте.

► обе части прилагательного характеризуют лицо с разных сторон:

«Гнус со сдержанным уловлетворением перехватывал завистливо-возмущённые и **злобно-похотливые** взгляды, направленные на неё» [60].

“Unrat, an ihrer Seite, empfing mit einer hinterhältigen Genugtuung alle die neidisch-entrüsteten und **übelwollend-begehrlichen** Blicke, die herüberkamen” (нем. недоброжелательно- похотливые) [122].

► сложно-суффиксальные прилагательные с суффиксом *-н*:

«Её **белоснежный** профиль, изящный с горбинкой носик ...» [61].

“Ihr **bleiches** Profil, die Nase zierlich und scharf gebogen...” (нем. бледный, бесцветный) [123].

«Водить **двадцатилетнего** верзилу в детских штанишках – значит разжигать его самые тёмные инстинкты» [61].

“...man reize die Instinkte **der Zwanzigjährigen**, wenn man sie in die Kinderstube sperre” (нем. субст. прилаг. двадцатилетний) [123].

Немецкий текст содержит прилагательное *bleich* (бледный), которое является менее выразительным, нежели русское сложное прилагательное «белоснежный»; сложное прилагательное «двадцатилетний» представляет собой полное соответствие немецкому субстантивированному прилагательному «*der Zwanzigjährige*» (двадцатилетний).

► прилагательные с нулевым суффиксом и опорной основой существительного, называющего часть тела человека, где первая часть, как правило, несёт оценку:

«...худосочный **кривобокий** **учителишка** на кафедре не сводит с него ядовитого взора, да ещё шипит вдобавок» [60].

“...weil der **hochschulterige Schwächling** auf dem Katheder ihn giftig anschielte...” (нем. слабак с высоко поднятыми плечами) [123].

«За одним из передних столиков восхищенный голос, голос **широкочечого** крестьянина в синей шерстяной куртке, произнёс...» [60].

“...sagte eine hingerissene Stimme, die Stimme eines **breiten** Landmanns in blauer Wolljacke” (нем. широкий) [212].

«На шампанское ваши **желторотые** ни разу не расщедрились» [60].

“Sekt haben ihre **dummen** Junge hier noch nie geschmissen” (нем. глупые) [122].

«А там, за углом, ругаясь на чём свет стоит, восседал на козлах почтовой кареты **краснолицый** кучер Мазетти» [61].

“Dort in der Ecke stand schimpfend auf seinem Postwagen **das rote Gesicht** des Kutschers Masetti” (нем. красное лицо) [123].

«**Чернокожий** заразил смехом соседей» [60].

“Dieser **Farbige** steckte seine Umgebung an...” (нем. субст. прилаг. цветной) [122].

« ...вербовщик легонько поглаживал стол **рыжеволосой** ручищей» [60].

“...gab er mit seiner fürchterlichen, **rotbehaarten** Hand der Tischplatte von der Seite ganz vorsichtige Streiche” (нем. причаст. покрытый рыжими волосами) [122].

Из данных примеров наибольший интерес представляет русское прилагательное «желторотые», возникшее на базе словосложения и одновременно характеризующееся соотнесенностью с семантически преобразованными основами со значением ‘молодой, несмышленный’. Данное прилагательное, употребленное переводчиком в качестве эквивалента немецкого нейтрального непроизводного слова «dumm» (глупый), отличается от него не только своей стилистической окраской и эмоциональной насыщенностью, но также и своей семантикой, так как «желторотый» в значении ‘молодой, несмышленный’ означает не ‘глупый’, а скорее ‘неопытный’.

Прилагательные «чернокожий» и «краснолицый» достаточно адекватно как в содержательном, так и в эмоциональном плане передают семантику

субстантивного прилагательного *der Farbige* (цветной) или словосочетания *das rote Gesicht* (красное лицо), употребленных в оригинальном тексте.

Русское прилагательное «рыжеволосый» полностью соответствует немецкому причастию II *rotbehaart* (покрытый рыжими волосами), а сложное русское прилагательное «широкоплечий» стремится передать смысл, заложенный в немецкую лексему *breit* (широкий).

Таким образом, имена прилагательные представляют собой выразительные языковые средства характеристики внешности лица, служащие, как и существительные для передачи эмоций и оценок.

Наряду с непроизводными лексемами широкое применение находят лексические единицы, оформленные различными суффиксами, а также сложносоставные прилагательные, придающие произведениям яркую выразительность.

1.3 Субстантивные словосочетания, характеризующие внешность

Одним из важных средств создания яркой, эмоциональной характеристики внешности того или иного персонажа являются субстантивные словосочетания, широко представленные в произведениях Г. Манна, а следовательно, и в переводах на русский язык.

В современных исследованиях подчеркивается мысль, что «способность слова сочетаться с другими словами зависит не только от принадлежности слова к той или иной части речи, но и от лексического значения» [17]. Лексическое значение представляет собой, как известно, совокупность сем: основных и производных. Так, при актуализации в речевом акте постоянных сем употребление слова является нормативным. То есть речь идет о стандартном употреблении той или иной лексемы.

Например,

«...барон Торрони, на **красном** лице которого задорно топорщились **белокурые усы**» [61].

“...das war mit **dem blonden Schnurrbart** über dem **roten Gesicht**, der Baron Torroni” (нем. светлые усы; красное лицо) [123].

«...полные **ярко-красные губы** резко выделялись на ослепительно **белом лице**» [61].

“...der **dickrote Mund** sprang gewaltsam hervor aus dem **grelle Weiß**” (нем. ярко-красный рот; ослепительная белизна) [123].

«Наконец наверху показалась **мрачная физиономия** старухи» [61].

«Endlich beugte droben sich ein altes, **finstere Gesicht** herüber» (нем. хмурое лицо) [123].

«И баритон ударил себя в **пухлую грудь**» [61].

“...und Bariton schlug sich auf **die starke Brust**” (нем. сильная грудь) [123].

«Но в эту симфонию славословий ворвался режущим диссонансом **противный голос** секретаря» [61].

“Die **schneidende Stimme** des Gemeinsekretars störte den Advokaten im Genuss der Huldigungen” (нем. пронзительный голос) [123].

Исследуемые примеры показали, что при переводе немецких текстов на русский язык многие субстантивные словосочетания передаются в измененном виде. Это, как правило, лексические или грамматические различия с оригиналом.

Достаточно типичным и продуктивным соответствием модели определительного словосложения (комполит) в немецком тексте выступает русская модель ‘качественное /относительное прилагательное + существительное’, что объясняется, как известно, значительным расхождением в продуктивности словосложения в немецком и русском языках.

«В немецком и русском языках посредством словосложения и сращения расширяется словарный состав, но с разной степенью интенсивности. В то время как в немецком языке словосложение и сращение являются ведущими способами именного словообразования, в русском языке они выполняют

лишь второстепенную функцию, и их продуктивность не достигает уровня суффиксации. Следовательно, нельзя образовать адекватных эквивалентов немецким именным композитам путем сложения или сращения в русском языке» [114]. М. Д. Степанова также указывает на широкую распространенность в немецком языке определительных сложных существительных, которые «являясь по форме монолитными лексическими единицами, часто по значению соответствуют словосочетаниям» [99].

«...лицо её неожиданно озарилось **детской улыбкой**, и она протянула ему свою маленькую серую руку» [61].

“...bekam sie unvermutet **ein Kinderlächeln** und gab ihm eine kleine, graue Hand” (нем. детская улыбка) [123].

«Из невидимого окна доносился **визгливый голос** Италии Молезин» [61].

“...und irgendwo aus einer unentdeckbaren Öffnung kam die **Kreischstimme** der Italia Molesin” (нем. визгливый голос) [123].

«Заговорив, он не переставал потирать свои большие белые руки, и его **воинственные усы** смущенно шевелились» [61].

“Er rieb seine großen weißen Hände mit den Ballen einander, und sein **Landsknechtsschnurrbart** schaukelte” (нем. усы, как у наемника) [123].

«...сохраняя на обветренном **фельдфебельском лице** выражение человека, неукоснительно выполняющего свой почетный долг...» [62].

“...Ehrenfestigkeit und Pflicht auf dem verwitterten **Unteroffizierengesicht**, den Stock geführt hatte...” (нем. лицо младшего офицера) [124].

Русское сочетание ‘существительное + существительное в генитиве без предлога’ также достаточно адекватно передает семантику немецкой сложносоставной лексемы.

«Вибель разговаривал тихим, надменным **голосом феодального сюзерена**» [61].

“Wiebel sprach mit leiser, arroganter **Feudalstimme**” (нем. голос феодала) [123].

«...подняв вверх импозантный **профиль Цезаря**, похвалил архитектуру площади...» [61].

“Gaddi erhob sein massiges **Casarenprofil** zu den Gebäuden ringsum...” (нем. профиль Цезаря) [123].

Следующий тип отклонения русских субстантивных словосочетаний от текста-оригинала заключается в том, что взаимозэквивалентные единицы представлены в русском и немецком языках разными частями речи.

«Дидерих отвечал им **смиренной улыбкой**» [62].

“Diederich **lächelte mit demütigem Einverständnis** zu ihnen auf” (нем. улыбался с добродушным пониманием) [124].

- «На её лице всё ещё играла **зловещая улыбка**» [61].

“Flora Garlinda sah ihm **grausam lächelnd** in die Augen” (нем. смотрела, мрачно улыбаясь) [123].

Подобные расхождения текстов перевода и оригинала убеждают в том, что художественный перевод – это чрезвычайно сложный творческий процесс, при котором «исходный текст диктует переводчику, что и с какой минимальной точностью нужно воспроизвести, а лингвоэтнический барьер определяет, какие модификации воспроизводимого необходимы для того, чтобы обеспечить коммуникативно-функциональный эквивалент» [57].

Особенно важной оказывается зона сочетаемости для эмотивно-оценочных прилагательных, так как в зависимости от существительного, с которым оно употреблено, главным образом зависит актуализируемая эмотивно-оценочная семантика прилагательного. К таким сочетаниям мы относим, так называемые, нестандартное употребление определенных прилагательных, при котором реализуются производные семы лексического значения с целью создания яркости образа. По мнению Скляревской, это

«риторические метафоры, они не обладают индивидуальностью, употребляемые многими авторами это, своего рода “художественные штампы”, с ослабленным образным элементом и эстетическим потенциалом».

«...хотя в прошлом посетитель, несомненно, был военным, его необычайная выправка неестественна, а **глаза** – совершенно **стеклянные**» [62].

“**Die Augen verglast** waren” (нем. остекленевшие глаза) [124].

«Он подошёл к печке и **скрипучим голосом** прокричал...» [62].

“**Hier sagte er schnarrend**” (нем. сказал картавя) [124].

«Эмми только передернула плечами, **лицо** её оставалось **каменным**» [62].

“**In ihrer Miene geschah gar nichts**” (нем. в её лице ничего не изменилось) [124].

«Там, где над головами неистово жестикулировали чьи-то **восковые руки**» [61].

“**Wo ein Paar wachsblasser Hände** durch die Luft schwangen...” (нем. бледные, как воск) [123].

«И **пергаментное лицо** адвоката расплылось в циничной улыбке» [61].

“**Und das lederfarbene Gesicht** des Advokaten ging in ein zynisches Lachen einander...” (нем. цвета кожи) [123].

«Он смотрел на неё **голодными глазами**» [61].

“**Er hatte ein Gesicht wie ein Hungernder**” (нем. лицо, как у голодного) [123].

«...вот-вот на плечо им упадёт чья-то **свинцовая рука**» [62].

“...eine **schwere Hand** sich ihnen auf die Schultern lege” (нем. тяжелая рука) [124].

Словосочетания каменное лицо, стеклянные глаза, восковые руки, сдобная шея, свинцовая рука, гробовой голос – это семантические дериваты, широко употребляемые в языке художественной литературы различными

авторами. В их основе лежит «возникновение новых, переносных значений, основанных на соотнесенности одного предмета с другим через какой-то общий признак» [37]. Анализируемые тексты показали, что большинство подобных нестандартных употреблений прилагательных русского языка не являются полными эквивалентами лексем, употребленных в немецком языке, что обусловлено, как известно, прежде всего, различием в словообразовательных возможностях обоих языков. Как видим из примеров, русским прилагательным, употребленным в переносном значении в тексте-оригинале соответствуют либо причастия:

стеклянные глаза – Augen **verglasst** waren (нем. остекленевшие);
скрипучий голос – sagte er **schnarrend** (нем. скрипя),

либо синтаксическая конструкция: каменное лицо – in ihrer Miene geschah gar nichts.

Русские прилагательные в словосочетаниях «пергаментное лицо», «восковые руки», где основным признаком, на основе которого произошел семантический перенос, является 'цвет', стремятся передать семантику немецких адъективов, представляющих собой сложносоставные слова wachsblasser Hände; lederfarbene Gesicht, второй компонент которых уточняет то, что названо первым компонентом. Например, wachsblass – не просто восковой, а бледный, как воск. Или lederfarbene – не пергаментный или кожаный, а цвета кожи.

В рамках обозначения внешности лица необходимо упомянуть о сравнениях. Среди лексических средств выразительности автор широко использует такой стилистический приём как сравнение, образная сущность которого состоит, как известно, в сопоставлении двух или нескольких явлений, качеств на основе сходства их признаков при их неизменной семантике. Помимо функции отождествления, сравнения, как известно, выполняют в текстах оценочно-характеристическую функцию, передавая как положительную, так и отрицательную оценку, как «отражённое и закреплённое в семантике языкового знака, в качестве его микрочтения,

или семы, мнение субъекта о ценности некоторого объекта” [59]. В анализируемых текстах подобных примеров достаточное количество.

Например,

- «Её белоснежный профиль, изящный с горбинкой носик и теряющийся в тени подбородок казались **отточенными, как острый клинок**, и глаз мрачно сверкал на этом профиле» [61].

- «Что верно, то верно, выглядишь **ты, как молодой бог**» [61].

“Ich leugne nicht, daß du aussiehst **wie ein Gott**” (нем. как бог) [123].

«Улыбка померкла на лице счастливец; оно стало **безжизненным, белым, как воск...**» [61].

“Das Lächeln des Glücklichen erlosch auf einmal; er ließ **ein bleiches, abgespanntes Gesicht** auf die Brust sinken” (нем. бледное, измождённое лицо) [123].

«Тогда **мягкими, как пуховые подушки, голосами** они стали уверять его, что ради него готовы пойти в театр» [61].

“Mit **Stimmen wie Federkissen** versicherten sie ihm, daß sie um seinetwillen ins Theater zu gehen gedachten” (нем. голоса, как пуховые подушки) [123].

«Господа! – фыркнул булочник, и его **непомерно большая, как у деревянного щелкунчика, голова** гневно затряслась над тщедушным тельцем» [61].

“Die Herren! – schnaubte der Backer, und **der dicke Nussknackerkopf** wackelte vor Zorn auf seinen engen Schultern” (нем. большая голова щелкунчика) [123].

«Сквозь виноградные листья нет-нет, да и просвечивала какая-нибудь ярко освещённая **рожа** с широко разинутым ртом, **более_похожая на дьявольскую маску**» [61].

“Zwischen den Blättern erschien manchmal ein aufgerissenes, wild überfläckertes **Gesicht, wie eine höllische Maske**” (нем. как дьявольская маска) [123].

«Кровь отлила от его лица, и **голосом нежным как дальний звон колокола**, он произнёс...» [61].

“Sein Gesicht entfärbte sich ganz – und dann, **wie einzeln ausgesandte Glockentöne**, und so sanft...” (нем. как раздающийся звон колокола) [123].

Как видно из примеров, материалом для подобных образных отождествлений могут служить самые разнообразные слова, называющие как конкретные предметы, например: маска, клинок; материал – воск, мел; абстрактное понятие – звон, так и высокие материи – бог и пр. В большинстве случаев соотнесенность с определенным предметом или явлением совпадает в обоих языках. Русские сравнения зачастую соответствуют немецким синтаксическим конструкциям, где функцию отождествления выполняют композиты:

«Он шел за ними с опущенной головой, **белый как мел**, а ведь выпито было немало» [61].

“...hielt er den Kopf gesenkt und war, trotz der genossenen Schnapsee, ganz **milchfarben**” (нем. он был цвета молока) [123].

«Он рассмеялся, и смех его прозвучал чисто и мелодично, как звон колокола» [61].

“Und er begann zu lachen, mit leichter, heller **Glockenstimme**” (нем. он начал смеяться колокольным голосом) [123].

«...старуха тщетно кривила своё красное личико с **острым, как клюв, носиком...**» [61].

“...und die Alte verrenkte umsonst ihr **krummschnabeliges**, rotes kleines Gesicht...” (нем. кривоносое лицо) [123].

То есть при переводе на русский язык сложных немецких лексем переводчики использовали такие распространенные приемы, как простая лексическая подстановка, которая возможна благодаря наличию в русском языке практически полных структурно-семантических аналогов, и

«структурно-уровневые трансформации» [59], в результате которых взаимозэквивалентные единицы представлены разными членами предложения.

В арсенале художественно-выразительных средств, используемых автором и переводчиками, важное место занимают индивидуально-авторские новообразования в рамках субстантивных словосочетаний. У любого автора, а следовательно, переводчика время от времени появляется «потребность социально-закрепленное, привычное в речи оживить яркой вспышкой словесно-индивидуального, вызывающе своего, удивляющего, потребность вызвать читателя на признание других возможностей выражения, кроме тех, которые стали уже в языке достоянием массы и представляются ей замкнутым кругом допустимых средств словесного сообщения» [14]. Случаи подобного проявления авторской эстетической функции (функции воздействия по В. В. Виноградову), которая «наслаивается на информативные “начала” и рассчитана на воздействие на читателя средствами эмоционально-оценочной, эмоциональной, экспрессивной и эстетической языковой информации» [45], весьма существенны для нашего исследования.

Характеризуя внешность того или иного героя, писатель, а соответственно, переводчики зачастую прибегают к использованию окказиональных новообразований, благодаря которым им удастся полнее раскрыть своё мироощущение, показать огромные возможности словообразовательной системы русского языка. В исследуемых переводных текстах все ситуативные употребления, обозначающие внешность лица, представляют собой слова-образы, обнаруживающие сдвиги в своей семантической структуре и позволяющие выразить всё богатство значений и индивидуальных ассоциаций.

В. В. Виноградов считал, что «смысловой единицей индивидуального стиля может быть слово, сочетание слов и даже более крупное по объему и конструкции словесное образование» [19]. В анализируемых переводных

текстах подобные номинации представляют собой, как правило, сочетание двух-трёх совершенно самостоятельных лексем, каждая из которых выполняет свою номинативную функцию и может быть употреблена в переносном значении.

По характеру взаимоотношений компонентов можно выделить следующие новообразования.

Прилагательное (семантическое переосмысление) + существительное.

Например, бесцветный тенорок (о голосе); терракотовый мальчик (о смуглом юноше); русалочки глаза (о глазах актрисы), где именно прилагательное несёт в своей семантике эмоционально-оценочный компонент, что придаёт всему новообразованию яркую экспрессивность.

- «По лестнице, освещенной лампой, которую держал в руках приветливо улыбающийся **терракотовый мальчик**, Дидерих поднялся в переднюю...» [62].

“Über eine Treppe mit einem freundlichen **Knaben aus Biskuit**, der eine Lampe trug...” (нем. юноша из бисквита) [124].

Как видим из примера, оригинальный текст также содержит индивидуально-авторское новообразование, отличающееся от русского перевода как лексической наполняемостью: ‘терракотовый мальчик’ – нем. ‘юноша из бисквита’, так и своей синтаксической структурой: в русском варианте – субстантивное словосочетание, в оригинале - предложно-падежное словосочетание. Но и русский, и немецкий варианты представляют собой окказионализм, смысл которого раскрывается только в определенном контексте.

«Она потушила свои **русалочки глаза** и стыдливо повела плечами» [61].

“Ihre **blassen Augen** glitten ab; sie hob schüchtern die Schultern” (нем. блеклые глаза) [123].

Как видим из примера, русскому индивидуально-авторскому образованию соответствует в немецком тексте обыкновенное субстантивное словосочетание, совершенно нейтральное по своей стилистической окраске.

Существительное + существительное (семантическое переосмысление), которые могут совпадать или не совпадать с текстом-оригиналом.

Например, улыбка манекена (об искусственной, наигранной улыбке), золотое руно волос (о светлых шелковистых волосах), мрамор лица (о чистом, матовом лице).

«Вы шутите! – с трудом выдавил из себя капельмейстер и улыбнулся напряженно, **улыбкой манекена**» [61].

“Sie scherzen, brachte der Kapellmeister hervor und **lächelte, wie eine Puppe**” (нем. улыбнулся, как кукла) [123].

Немецкий текст, как видно, содержит сравнение «улыбнулся, как кукла», которое не обладает такой яркой экспрессией, как русское окказиональное субстантивное словосочетание «улыбка манекена».

«...глаза у него устали оттого, что он так долго и пристально смотрел на **золотое руно её волос**» [61].

“...als seien ihm die Augen müde vom langen Starren auf **ihr goldenes Vlies**” (нем. золотое руно) [123].

В данном примере переводчик с предельной точностью передал смысл, заложенный Г. Манном посредством лексем «ihr goldenes Vlies» (золотое руно), и русский окказионализм представляет собой удачный перевод или даже кальку с немецкого новообразования Г. Манна.

3) индивидуально-авторские новообразования, представляющие собой словосочетания, где оба компонента являются результатом переосмысления, в основе которого лежит семантический перенос по типу название предмета, явления → название человека:

Например, «обломок прошлого» (о пожилom человеке), «легкокрылая тень» (о маленькой, худощавой женщине), «глыба жира» (о чрезмерно полном человеке), «белизна зернистого мрамора» (о бледном лице).

«Из этой **белизны зернистого мрамора** ушла вся теплота...» [61].

“Aus seiner **körnigen Marmorblasse** war die Wärme gewichen...” (нем. белизна зернистого мрамора) [123].

Текст перевода и подлинник содержат идентичные по своему семантическому объему словосочетания, отличающиеся синтаксической структурой: в оригинальном тексте – субстантивное словосочетание, включающее в себя композит, переданный в русском варианте предложно-падежным словосочетанием.

«Аббатиса? – спросил он и простер руки, чтобы схватить **легкокрылую тень**» [61].

“Die Äbtissin? – fragte er und langte nach der **Erscheinung**” (нем. видение, призрак) [123].

Русскому окказиональному образованию в данном предложении соответствует вполне нейтральная узуальная лексема немецкого языка.

«Нечто глубоко успокоительное, располагающее к доверию было в этом всегда настроенном юмористически человеке, в этой гладкой белой **глыбе жира**...» [62].

“Etwas tief Beruhigendes, Vertrauengestattendes wohnte in dieser glatten, weißen und humorvollen **Speckmasse**...” (нем. грудa жира) [124].

Хотя в немецком и русском вариантах наблюдаются незначительные расхождения не только в синтаксической структуре, но и в семантике лексических единиц, переводчик, на наш взгляд, нашел наиболее яркое и выразительное соответствие немецкому композиту, употребив лексему ‘глыба’.

«Весной семьдесят первого это крикнул упоенным победой немцам Гервег, такой же **обломок прошлого**, как я сам» [62].

“Das hat Herwegh, ein **Überlebender** wie ich, im Frühjahr Einundsiebzig den Siegestrunkenen zugerufen” (нем. оставшийся в живых) [124].

Как в большинстве примеров, русское словосочетание в данном случае представляет собой эквивалент немецкому композиту, который не является, в отличие от русского варианта, окказиональным употреблением.

По выражаемому значению можно выделить окказиональные употребления, обозначающие: цвет → терракотовый мальчик (с тёмным цветом кожи), русалочки глаза (блеклые глаза); части тела → золотое руно волос (светлые волосы); размер → легкокрылая тень (маленькая худая женщина), глыба жира (полный человек).

Таким образом, исследуемые субстантивные словосочетания обнаруживают в своем составе стандартные употребления лексем, лексические единицы, реализуемые в переносном смысле и даже окказионально.

Анализируемые примеры демонстрируют различия в словообразовательной системе русского и немецкого языков: многим русским субстантивным словосочетаниям соответствуют определительные композиты немецкого языка.

Часть рассматриваемых лексем является окказиональными названиями лица, обладающими дополнительной эмоционально-экспрессивной оценкой. Основная масса таких наименований неразрывно связана с контекстом.

Приведённые примеры убеждают в том, что создание ситуативных смыслов происходит при нарушении норм сочетаемости, при переносе семантического признака в целях экспрессии, как особой характерной черты языка художественного произведения.

Переводные тексты содержат большее количество лексем, употребленных окказионально, нежели оригинальные произведения, что в

очередной раз указывает на богатство словообразовательной системы русского языка.

Г Л А В А 2.

Особенности употребления лексем, характеризующих внутренние свойства человека

«Названия лиц представляют человека как носителя разнообразных признаков: физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, склонностей, вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений, навыков, совершаемых действий, поступков, поведения, функций, занятия, участия в чем-либо, положения в определённой ситуации, разнообразных связей, соотнесённости, отношений и т. д.» [11].

Наименования лиц – это огромный в количественном отношении и разнообразный в семантическом плане слой лексики, широко применяемый писателем и приобретающий особое звучание в текстах анализируемых произведений, являющихся бичующей сатирой на вильгельмовскую Германию. И если у Гофмана гротескный диссонанс и контрастность связаны со сказочно-волшебным и романтическим осмыслением действительности, то у Г. Манна гротескность раскрывается в духовном мире героев, на противоречивости внешнего, видимого и внутреннего, подлинного.

2.1 Субстантивы – характеристики внутреннего мира человека

Лексемы, употребленные в исследуемых произведениях с целью характеристики внутренних качеств героев, рода деятельности и пр., можно разбить на несколько групп.

Первую группу образуют производные существительные, в рамках которых следует выделить следующие лексико-тематические подгруппы:

► лексемы, обозначающие лицо по роду профессиональной деятельности:

«Кто, **портной** – хороший человек?» [61].

“**Der Schneider** – ein braver Mann?” (нем. портной) [123].

«Этот **вор** скупает все вино в округе и вздувает цены» [61].

“**Dieb**, der allen Wein aufkauft, so daß niemand ihn bezahlen kann...” (нем. вор) [123].

«Сюда! – крикнул он через площадь. Здесь орудует **шпион адвоката**» [61].

“Hierher! – rief er über den Platz, da ist ein **Spion des Advokaten!**” (нем. шпион; адвокат) [123].

«Пока идет разговор, я жене и **попу** не перечу,- объяснил он подоспевшим **слесарям...**» [61].

“Man sagt anfangs wohl, was die Frau und der **Priester** wollen, erklärte er den beiden **Schlossern**, die nachkamen” (нем. священник; слесарь) [123].

«А там, за углом, ругаясь на чем свет стоит, восседал на козлах почтовой кареты краснолицый **кучер** Мазетти» [61].

“Dort in der Ecke stand schimpfend auf seinem Postwagen das rote Gesicht des **Kutschers Masetti**” (нем. кучер) [213].

Лексические единицы этой подгруппы приближены к нейтральным, так как зачастую представляют собой терминологическую лексику, не способную, как правило, обладать дополнительными оценочными значениями. «Для них характерна тенденция к однозначности, к строгости значения, к системности, к преодолению имеющейся синонимии; для них желательна краткость, ясность, удобство в использовании и другие качества хорошей терминологии» [68]. Как видим из приведенных примеров, русские наименования человека по роду деятельности являются полными эквивалентами немецких лексем с той же самой семантикой. Это соответствие обусловлено тем, что некоторые наименования являются

заимствованиями, а потому полностью совпадают не только по значению, но и в фонетическом облике, некоторые же слова только по значению или по словообразовательному облику (русская лексема «портной» – результат семантической деривации, немецкая лексема «der Schneider» – результат морфологического словообразования).

► наименования лица по социальному положению:

-«На **бароне**, как всегда, был охотничий костюм в коричневую клетку...» [61].

“**Baron** Torroni war, wie immer, im braunkarierten Jagdanzug...” (нем. барон) [123].

«**Вдова** Пастекальди умоляла своего соседа-аптекаря предупредить об опасности...» [61].

“**Die Witwe** Pastecaldi bat flehentlich ihren Nachbar, den Apotheker, er möge ...ihren Sohn warnen...” (нем. вдова) [123].

«Так у него же стеклышко в глазу и бородка рыжая, сразу видно – **барин!**» [61].

“Aber er hat ein Stuck Glas im Auge und einen gelben Bart, also ist er **ein Herr**” (нем. господин, барин) [123].

«...люди всех званий и состояний выражали свою горячую преданность и непоколебимое доверие **монарху**» [62].

“...hört man Leute aller Stande der treuesten Anhänglichkeit und dem unerschütterlichen Vertrauen zu der **Allerhöchstens Person** Ausdruck geben” (нем. высочайшая персона) [124].

«Истинный **аристократ** никогда не изменяет себе» [62].

“Ein wirklicher **Edelmann** verleugnet sich doch nie” (нем. дворянин) [124].

Как видно из приведенных примеров, русские существительные, называющие лицо по социальному положению, достаточно адекватно передают семантику немецких субстантивов.

Эта подгруппа отличается тем, что здесь меньше целиком и полностью соответствующих единиц (это касается заимствованных слов), в большинстве случаев переводчик прибегает к использованию собственно русских лексем. Подобные лексические единицы могут выступать в анализируемых текстах как прямые наименования, нейтральные по своей стилистической окрашенности, так и, в зависимости от контекста, с дополнительной субъективной оценкой, становясь эмоционально-экспрессивными единицами. Еще В.В. Виноградов отмечал, что существуют контексты, в которых «слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует».

Например,

«Простодушный интриган, он разжигал в ней зависть, завлекал её в свои сети, приучая свысока относиться ко всему человечеству и искать опоры только в нем одном – неизменно верном **рыцаре**» [61].

“Er reizte, ein naiver Intrigant, ihre Eifersucht und zog sie naher an sich, dadurch, daß er sie dazu verführte, aller Welt Geringschätzung zu zeigen; dadurch, daß er sie nötigte, sich auf ihn zu stützen, als ihren unbedingten **Ritter**” (нем. рыцарь) [123].

В лексеме рыцарь номинативная функция оттесняется на задний план экспрессивной, с диаметрально противоположной отрицательной оценкой, благодаря чему слово приобретает ироничное звучание.

► лексемы, обозначающие всевозможные семейно-родственные отношения:

«Синьора Камуцци обернулась к **супругу**, который, войдя в ложу, пожелал узнать, в чем тут дело» [61].

“Frau Camuzzi wandte sich nach ihrem **Gatten** um, der eingetreten war und nach der Handlung fragte” (нем. супруг) [123].

«Когда в Чезене папские солдаты вели моего **мужа** на расстрел, толпа ринулась на них и всех рассеяла» [61].

“Als mein **Mann** in Cesena erschossen werden sollte, drängte ein Stoß des Volkes die Soldaten des Papstes auseinander...” (нем. муж) [123].

«Но оттого, что его первая жена была Пастекальди – ну вы знаете, **золовка** адвокатовой **сестры** – ложу получил не я, а Джоконди» [61].

“Aber weil seine erste Frau eine Pastecaldi und **Schwägerin** des Advokaten Belotti war, hat die Loge der Giokondi, nicht ich” (нем. золовка) [123].

«За углом меня дожидаются обойщик и мой **шурин** Коккола» [61].

“An der Ecke erwarten mich der Tapezierer und mein **Schwager** Coccola” (нем. шурин) [123].

«Молодой рабочий заявил, что девушка его **невеста**» [61].

“Es sei seine **Braut**, sagte der junge Mensch” (нем. невеста) [123].

«...**зять** должен добиваться производства этого учителя в старшие надзиратели...» [62].

“Dagegen forderte die Frau Hauptmann von ihrem **Schwiegersohn**, er solle den Oberlehrer zum Professor nennen” (нем. зять) [124].

Подобные наименования лица отличаются строгой номинативностью и отсутствием дополнительных коннотаций. То есть они называют человека, но не характеризуют его. Русские лексемы являются полными эквивалентами немецких существительных, что объяснимо однозначностью подобных лексем в обоих языках (за исключением некоторых слов. Например, лексема «der Mann», которая обозначает в немецком языке не только мужа, но и мужчину вообще).

► лексические единицы, передающие внутренние характеристики человека, его душевные качества; причем в соответствии со стилем исследуемых произведений, преобладают экспрессивно окрашенные разговорные и просторечные лексемы, дающие отрицательную характеристику персонажам.

«Неужто мы позволим этому **извергу** тиранить наших детей?» [61].

-

“Soll man seine Kinder von diesem **Elenden** misshandeln lassen?” (нем. субст. прилаг. презренный, подлый) [123].

Немецкое субстантивированное прилагательное *der Elende* (презренный, подлый) передано русской непроизводной лексемой «изверг», обладающей иной семантикой и более ёмким коннотативным значением, что придает русскому переводу больше эмоциональности и экспрессии.

- «Галерка держалась другого мнения, здесь супрефекта называли **трусом**» [61].

“Das Volk auf der Galerie fand ihn **feige**” (нем. трусливый) [123].

Русская лексема «трус», соответствующая немецкому адъективу *feige* (трусливый), отличается большей категоричностью, чем немецкое прилагательное, так как обозначает постоянный признак, качество человека и, следовательно, характеризуется большей степенью эмоционально-оценочной маркированности.

«Этакий **олух!**» [61].

“Was für ein **Dummkopf!**” (нем. дурак) [123].

Семантика немецкого композита *Dummkopf*, приобретающего отрицательную оценочность благодаря первому компоненту «*dumm*» (глупый), в полной мере передана русской непроизводной лексемой «олух», несущей эмоционально-оценочный компонент в самой основе.

«Я не хочу прослыть **ханжой...**» [61].

“Nicht, daß ich ein **Duckmäuser** wäre...” (нем. ханжа, лицемер) [123].

Русское слово ханжа адекватно передает смысл немецкой сложносоставной лексемы с той же самой семантикой.

«Ну и **лодырь!**» [62].

“**Stinkt vor Faulheit!**” (нем. фам. лентяй высшей марки) [124].

Русское слово «лодырь» достаточно адекватно передает семантику немецкого устойчивого идиоматического выражения «stinkt vor Faulheit» (лентяй высшей марки), оно характеризуется меньшей эмоционально-оценочной и функционально-стилистической маркированностью по сравнению с немецким фразеологизмом и не сохраняет стилистической нагрузки немецкого словосочетания, употребление которого ограничено сферой устного общения в фамильярной форме.

«Убит человек только потому, что этот деревенский **оболтус** не понимает шуток!» [61].

“...nur weil dieser **Bauerntöpel** keinen Spaß verstanden hat?” (нем. деревенский болван) [123].

Немецкая лексема «Bauerntöpel» (деревенский болван) – окказионализм, не зафиксированный ни в одном из переводных и толковых словарей немецкого языка, представляет собой композит, образованный автором путем определительного словосложения, что, как известно, чрезвычайно широко представлено в немецком словообразовании [119]. Для адекватной передачи данной немецкой лексемы переводчик употребил семантически равноценное непроизводное слово «оболтус» с ярко выраженной экспрессивной окраской и негативной оценкой в сочетании с прилагательным «деревенский», которое соответствует первому компоненту немецкого композита.

«Нахал!» [62].

“Der Herr schrie: Flegel!” (нем. хам) [127].

Русская непроизводная экспрессивно окрашенная лексема «нахал» является полным семантическим и стилистическим эквивалентом немецкого слова «Flegel» (хам).

«...этот несчастный **болван** сидит здесь и ревет из-за какой-то актрисы» [61].

“...jammert dieser **Unglückliche** um eine Komödiantin!” (нем. субст. прил. несчастный) [123].

Стремясь придать больше эмоциональной окрашенности русскому тексту, переводчик актуализировал семантику немецкого нейтрального субстантивированного прилагательного «der Unglückliche» (несчастный) с помощью производной русской лексемы с ярко выраженным экспрессивным компонентом и отрицательной оценкой – «болван», хотя в русском языке имеется подобное субстантивированное прилагательное.

«Ты слышал, как они призывали этого беднягу выполнить их приговор – расправиться с **тираном**?» [61].

“Hast du es gehört, wie sie jenen Unglücklichen anfeuerten, ihr Urteil zu vollstrecken an dem **Herrn**...” (нем. господин) [123].

Русская лексема «тиран», употребленная в исследуемом тексте, не только называет человека, но и дает представление о свойстве его характера, в то время как немецкое слово «Herr» (господин) представляет собой совершенно нейтральную лексему без какой бы то ни было характеристики, хотя и немецкий язык располагает лексической единицей «тиран».

На фоне характеристик лица с отрицательной коннотацией представлены единичные примеры слов-характеристик с положительной оценкой. Они, являясь заимствованиями, совпадают целиком и полностью как в звучании, так и в значении.

«Вы **гений**! – и старый певец бросился на шею адвокату» [61].

“Welch schönes **Genie** ist das Ihre! – und der alte Sanger fiel dem Advokaten um den Hals” (нем. гений) [123].

Как видим из примера, оригинальная лексема «das Genie» и употребленное переводчиком заимствованное слово «гений» полностью совпадают.

Вторую группу формируют существительные, представляющие собой морфемные производные лексические единицы. Словообразовательные аффиксы, служащие для создания новых слов,

являются, как и слова, смысловыми единицами в системе языка. В семантическом плане словообразующий формант обозначает «то приращение смысла, которое появляется в мотивированном слове в отличие от мотивирующего» [101]. В качестве наиболее продуктивных словообразовательных средств в рассматриваемых лексемах выступают суффиксы *-ник, -тель, -ец, -чик /-щик, -ун, -ан, -к-*, образующие достаточно частотные наименования лица от трех основных типов мотивирующих основ: глагольных, адъективных и субстантивных. Например, существительное, образованное при помощи суффикса *-тель*, как правило, обозначает лицо по действию, названному мотивирующим глаголом; с помощью суффикса *-ист* образуются существительные, называющие человека по отношению к той сфере деятельности, течению, учреждению, объединению, которые названы производящей основой.

В данной группе субстантивов с внутренней характеристикой лица можно выделить те же самые лексико-тематические подгруппы, что и у непроизводных наименований. Образования с указанными суффиксами обозначают лицо по роду деятельности, по социальному положению, передают родственные отношения, называют всевозможные внутренние свойства человека в исследуемых текстах. В зависимости от характера производных основ исследуемые существительные могут быть подразделены на следующие группы:

1. Наименования лица, образованные от глагола или от глагольно-именных сочетаний. Они называют лицо по действию, указанному мотивирующим глаголом, и характеризуют человека, определяя постоянный признак:

► с помощью суффикса *-ник* и *∅* суффикса:

-«Ах вы **шутник!**» [61].

“Ah! **Spaßvogel!**” (нем. разг. шутник) [123].

«Ну, ступай себе, **бездельник**, развлекайся!» [61].

“Ah! Geh, **Taugenichts**, unterhalte dich!” (нем. разг. презр. бездельник) [123].

«Дидерих, забыв всякую осторожность,...превратился в упоенного победой **насилльника**» [62].

“Diederich jede Rücksicht vergaß ... und zum siegestrunkenen **Unterdrucker** ward” [124].

«Не слушайте этих **клеветников**, - взвизгнул адвокат...» [61].

“Hören Sie nicht auf die **Verleumder!**- rief der Advokat...” (нем. клеветники) [123].

«**Призывнику**, у которого слух оказался ниже установленной нормы, не поздоровилось» [62].

“**Einem**, der nicht so scharf horte, wie es Vorschrift war, erging es schlecht” (нем. кому-то) [124].

«...он направился было к столу **крамольников**» [62].

“Er... schickte sich an, zu **den Vertretern des Umsturzes** zu stoßen” [124].

- «Эй, вы, **озорники!** Что вы там поете?» [61].

“Ah! Ihr **Schweinigel**, was singt ihr da?” (нем. груб. свиньи, похабники) [123].

Как видим из примеров, большинство русских производных лексем с суффиксом *-ник* и *ø* суффиксом, явившимся результатом развития обратной соотнесенности, адекватно передают семантику немецких слов и являются как в содержательном, так и в стилистическом плане полными эквивалентами лексических единиц, употребленных автором в оригинале. Суффиксальное производное «клеветники», характеризующееся двоякой глагольно-именной соотнесенностью, адекватно передает семантику немецкой лексемы «die Verleumder», также образованной суффиксальным способом. Лексема «призывник», употребленная для передачи немецкого неопределенного местоимения «der Eine», содержит в своем семантическом объеме больше информации и в данном контексте адекватно передает

смысл, заложенный автором. Суффиксальное производное «крамольники» обладает емким лексическим значением и, на наш взгляд, является удачным для русского текста эквивалентом немецкого словосочетания «die Vertreter» «des Umsturzes» (представители переворота). Нельзя назвать адекватным перевод немецкого слова «Schweinigel» (свиньи, похабники), характеризующегося принадлежностью к разговорному словоупотреблению и имеющего помету грубое слово, посредством русской лексики «озорники», соотносимой с литературным языком и обладающей определенной ласкательностью.

«Скоро **разлучница** Италия позовет меня» [61].

“Sogleich wird Italia, die **Verräterin**, mich rufen” (нем. предательница) [123].

► с помощью продуктивного суффикса *-тель*:

«Это я, ваш **освободитель!**» [61].

“Da bin ich! Da ist der, **der euch befreit hat!**” (нем. тот, кто освободил) [123].

«До следующего свидания, когда я вернусь **победителем!**» [61].

“Auf Wiedersehen, wenn ich **Sieger** bin!” (нем. победитель) [123].

«**Мучитель!** – прошептала она» [61].

“**Wie Sie mich quälen**, murmelte sie” (нем. как Вы меня мучаете) [123].

«Удрал, **поджигатель**, только его и видели!» [61].

“Er ist geflohen, der **Brandstifter!**” (нем. поджигатель) [123].

«Мало ли он детей наплодил, ...этот **соблазнитель!**» [61].

“Als ob es nicht so viele kleine Advokaten gäbe – die er alle selbst gemacht hat...der **Verführer!**” (нем. соблазнитель) [123].

«Но **преследователь** уже бежал ему наперерез» [61].

“Der **Verfolger** hatte schon den Weg zur Tur abgeschnitten...” (нем. преследователь) [123].

«От **обожателей** отбоя нет?» [61].

“Ein Fräulein wie Sie muß wohl **Liebhaber** haben...” (нем. почитатель) [123].

«Младший сын именитейшего **представителя** города Нетцига...» [62].

“Der jungste Sohn des großen **Mannes** von Netzig...” (нем. человек) [124].

«...но кайзер...к тому же глубоко своеобразный **мыслитель**» [62].

“...der Kaiser...ein höchst origineller **Denker** sei” (нем. мыслитель) [124].

«Ах, **предатель**...!» [62].

“Ah! **Verräter!**” (нем. предатель) [124].

«...**похититель** уже доставил узника на место...» [61].

“...sein **Hascher** lieferte ihn schon beim Cafe ein” (нем. высок. устаревш. преследователь) [123].

Исследуемые русские лексемы, со словообразующим формантом *-тель*, мотивированные глаголом, передают с большой степенью адекватности семантику немецких существительных, большинство из которых представляют собой отглагольные дериваты с продуктивным, нейтральным в эмоциональном отношении суффиксом *-er*, служащим в немецком языке для образования имен, называющих «исполнителя постоянного действия как профессионального, так и непрофессионального, постоянного качества, исполнителя единичного случайного действия, склонности к какому-либо действию, состояния лица» [108]. Некоторые русские лексемы с суффиксом *-тель* адекватно передают немецкие синтаксические конструкции, например, «мучитель» – «wie Sie mich qualen» (как Вы меня мучаете). При этом русский субстантив является более эмоциональным и конкретизированным лексическим средством, нежели немецкое глагольное словосочетание, так как «имя существительное «сгущает», «спрессовывает» ситуацию» [103].

► с помощью разговорно-просторечного суффикса *-ун*:

«По завещанию Дидерих ...назначался **опекуном** своих сестер» [62].

“Durch das Testament des Vaters war Diederich... zum **Vormund** seiner beiden Schwestern bestimmt” (нем. опекун) [124].

«Ведь этот старый **болтун** не больше, чем пугало воронье...» [62].

“So ein alter **Schwätzer** ist doch bloß noch eine Vogelscheuche...” (нем. разг. болтун) [124].

«Этот Савецо, может, просто **хвастун**» [61].

“Der Savezzo ist vielleicht nur ein **Prahlhans**” (нем. разг. устаревш. хвастун) [123].

Семантика немецких лексем достаточно адекватно передается русскими существительными с суффиксом *-ун*, который придает слову неодобрительно-пренебрежительный или даже фамильярный оттенок и благодаря которому русские лексемы приобретают яркую стилистическую окраску. Ироничные оттенки в значении немецких субстантивов полностью зависят от эмоциональной окраски производящих глаголов.

► с помощью суффикса *-ец* и его производных:

«Галилео Белотти преградил дорогу горбатому **писцу** из Спелло» [61].

“...Galileo Belotti versperrte dem Kleinen buckligen **Schreiber** aus Spello die Rathausgasse” (нем. уст. писарь) [123].

«Я же все-таки **кормилец** матери и сестер» [62].

“Schließlich **habe** ich Mutter und Geschwister **zu ernähren**” (нем. должен кормить) [124].

«...Крепалини юркнул в гущу своих **приверженцев**» [61].

“...Crepalini verschwand rasch zwischen den **Seinen**” (нем. книжн. свои) [123].

Как видим, автор перевода использует субстантивы с суффиксом *-ец* в различных случаях, заменяя местоимение «die Seine» (свои) производным существительным *приверженец*, инфинитивную конструкцию *haben + zu + ernähren* (должен кормить) морфемным производным *кормилец*, которые в данном случае образуют нейтральные по своей стилистической окраске

лексемы и тем самым в полной мере передают лексическое значение немецких наименований.

► с помощью суффикса *-чик/-щик*:

«А мы не хотим подыхать с голоду!- закричал у ратуши дюжий **извозчик**» [61].

“Und wir hier wollen nicht verhungern, rief vom Rathaus ein riesiger **Fuhrmann**” (нем. извозчик) [123].

«Геслинг был **формовщиком** на старых бумажных фабриках» [62].

“Er war **Buttenschöpfer** gewesen” (нем. рабочий, вычерпывающий бумажную массу) [124].

«Он уже не решался заговорить ни с одним из **бунтовщиков**» [60].

“Keinen **Empörer** mehr hatte er, an den erleuchteten Laden hinschleichend, anzusprechen unternommen...” (нем. бунтовщик) [122].

«Гнус со своей ревматической походкой был все тем же старым учителем, который ...мысленно отмечает имена **зачинщиков**...» [60].

“...ein alter Schulmeister, dessen Klasse in wustes Toben verfallen ist, und der sich hinter seinen Brillenglasern sämtliche **Empörernamen** merkt” (нем. имена бунтовщиков) [122].

Русские анализируемые существительные, образованные посредством продуктивного суффикса *-чик/-щик*, обозначают лицо по действию, которое определяет характер человека, например, «бунтовщик» или его занятие, профессию – извозчик, формовщик, зачинщик. В целом, данные существительные с большой степенью точности передают семантику немецких сложносоставных лексем, так как и немецкие, и русские существительные представляют собой, лексику, близкую терминологической, которая, как правило, не обладает дополнительными оттенками значения.

2. Отсубстантивные наименования лица, распадающиеся на:

производные, не содержащие в своем семантическом объеме оценочного компонента. Это существительные, образованные:

► с помощью суффикса *-щик*:

- «Ах, **обманщик!**» [61].

“Ah! **Lügner!**” (нем. лгун) [123].

«За углом меня дожидаются **обойщик** и мой шури́н ...» [61].

“An der Ecke erwarten mich der **Tapezierer** und mein Schwager...” (нем. обойщик) [123].

«Клюзинг ведь один из **пайщиков**» [62].

“Aber der alte Klusing, der **in der “Netziger Zeitung” Geld hatte...**” (нем. имел деньги в газете “Нетцигский листок”) [124].

Русские производные лексемы с суффиксом *-щик* адекватно передают семантику немецких отглагольных существительных, образованных с помощью продуктивного суффикса *-er*. Но, на наш взгляд, существует некоторое расхождение в функциональном употреблении лексемы *обманщик*, имеющей стилистическую окраску разговорности и называющей лицо более мягко, и немецкого слова «der Lügner» (лгун), носящего, по нашему мнению, оттенок категоричности и книжности. Обращает на себя внимание последний пример, где переводчику удалось адекватно передать немецкое распространенное словосочетание «das Geld in Netziger Zeitung haben» (иметь деньги в газете Нетцига) суффиксальным производным «пайщик».

► с помощью суффикса *-ник*:

«Он прав, **булочник** прав...» [61].

“Er hat recht, der **Backer**” (нем. булочник) [123].

«**Табачник** заметил со вздохом: он совершенно прав» [61].

“...seufzte der **Tabakhandler** und sagte dann: Er hat recht” (нем. торговец табаком) [123].

«И тебе тоже захотелось гимна, **безбожник** ты!» [61].

“Auch du hast die Hymne verlangt, du **Heide**?” (нем. язычник) [123].

«А что до Пьеро – бедняга стал горемычным **сапожником**» [61].

“Dem Piero dagegen, der **nun Schuhe flicken muß**...” (нем. должен чинить обувь) [123].

Лексемы «булочник», «табачник» полностью совпадают с существительными, употребленными в оригинале, так как представляют собой наименования профессий, не обладающие дополнительными оттенками значений. Лексема «безбожник» достаточно адекватно передает семантику немецкого слова «Heide» (язычник).

► с помощью суффикса *-eu*:

«Дидерих тут же сочинил, что приятель – **берлинец**» [62].

“Diederich log, der Freund sei **Berliner**” (нем. берлинец) [124].

«Неожиданно явился **мекленбуржец**» [62].

“...kam der **Mecklenburger** dazwischen” (нем. мекленбуржец) [124].

«...семейство вскоре по приезде уже распивало кофе в своей пляжной кабинке в обществе юного **бразильца** и фабриканта из Саксонии» [60].

“Infolgedessen saß die Familie in ihrem Strandhäuschen beim Kaffee nun schon mit zwei Hamburger Kaufleuten, einem jungen **Brasilianer** und einem sachsischen Fabrikanten” (нем. бразилец) [124].

Суффикс *-eu*, присоединяясь к существительным – названиям местности, образует наименования лица по месту жительства и проявляет при этом достаточно высокую продуктивность и регулярность. «Он минимально воздействует на мотивирующую основу: он не изменяет класса фонем основы, типа ударения в слове, лишь в некоторых случаях он приводит к смягчению исхода мотивирующей основы» [102]. Как видим из примеров, подобные производные с суффиксом *-eu* являются полными эквивалентами немецких кайтоконимов, образующихся посредством суффикса *-er*.

► с помощью суффикса *-ant*:

«Мне тащиться за какими-то жалкими **комедиантами**?» [61].

“Ich soll hinter diesen armseligen **Komödianten** hermarschieren?” (нем. комедианты) [123].

«...он каждый раз небрежным движением...указывал палочкой на **оркестрантов**» [61].

“...den Stab führte er jedesmal, ...flüchtig und bedeutungslos über seine **Mitarbeiter im Orchester** hin” (нем. сотрудники в оркестре) [123].

«Мысленно он уже видел себя депутатом от гильдии бумажных **фабрикантов**» [62].

“Er sah sich schon als Abgeordneter der **Papierbranche**” (нем. бумажной отрасли) [124].

«**Коммерсант** Манкфреде, осмелев в этой неразберихе, клялся ей...» [61].

“Der **Kaufmann** Mancfrede versprach ihr...” (нем. торговец, коммерсант) [123].

«Никакие они не **музыканты!**» [61].

“**Gar nichts können sie**” (нем. они даже не могут ничего) [123].

Заимствованный суффикс *-ант*, присоединяясь к иноязычным основам, образует наименования лица по профессии, представляющие собой, как правило, нейтральную лексику. Но в определенном контексте производные с суффиксом *-ант* приобретают дополнительные оттенки значения; например, лексема «комедианты», употребленная и Г. Манном, и переводчиком для обозначения труппы актеров, содержит дополнительные оттенки, выражающие презрение и иронию.

Русский текст содержит гораздо больше подобных образований, нежели текст-оригинал, где преобладают словосочетания типа *Mitarbeiter im Orchester* или пространные синтаксические конструкции.

► с помощью суффикса *-ист*:

«Кайзер рассмеялся: да, это, конечно же, **монархист**, верноподданный!» [62].

“Der Mensch war ein **Monarchist**, ein treuer Untertan!” (нем. монархист) [124].

«А в магистрат он даже близко не подпускает **социалистов**» [62].

“Aber im Munizipium will er keinen **Sozialisten**” (нем. социалисты) [124].

«Неудачливые **гимназисты**... опасная братия?» [62].

“Verkommene **Gymnasiasten**... Gefahr für uns!” (нем. гимназисты) [124].

«В столице я скоро стану известным **журналистом**» [61].

“Nachdem ich in der Hauptstadt ein großer **Journalist** geworden bin...” (нем. журналист) [123].

«Я, конечно, тоже **националист**» [62].

“Nun, **national** bin ich auch” (нем. националистичен) [124].

«Синьору Джоконди кричали: - **Аферист!**» [61].

“Der Herr Giocondi horte: **Schwindler!**” (нем. аферист, мошенник) [123].

Суффикс *-ист*, являясь заимствованным не только в русском, но и в немецком языке (греч. *-istēs*; лат. *-ista*) [120] и присоединяясь к иноязычным основам, образует лексемы, существующие в обоих языках и представляющие собой интернациональные слова. Этим объясняется практически полное совпадение отсубстантивных лексем с суффиксом *-ист*, употребленных в оригинале и в переводе. Интересно отметить последний пример, где русская лексема «аферист» не имеет оттенка книжности (в отличие от других образований) и адекватно передает семантику немецкого отглагольного производного «*der Schwindler*» (аферист, мошенник).

► с помощью суффиксов *-ер*, *-ёр*, *-ор* и их производных:

«Во имя того, чтобы я продал свое родовое имение какому-то **Франкфуртеру?**» [62].

“...daß mein väterliches Gut an einen Herrn **Frankfurter** verkauft wird?” (нем. житель Франкфурта) [124].

«И, увидав протянутую руку **билетера...**» [61].

“...und da der **Schließer** die Hand hinhielt...” (нем. привратник) [123].

«Пришлось ввести **карабинеров**, чтобы их утихомирить» [61].

“**Die bewaffnete Macht** musste eingreifen und sie beruhigen” (нем. вооруженные силы) [123].

«Аквистапаче и кум Акилле вызвались отправиться **парламентерами**» [61].

“Acquistarace und der Gevatter Achille erboten sich hinzugehen” [123].

«...долговязая Рафаэлла краешком глаза вела меткий огонь, беспокоя толстяка **арендатора...**» [61].

“...nur die große Raffaella beunruhigte mit dem Augenwinkel den dicksten der **Pachter...**” (нем. арендатор) [123].

«...старый **литератор** Ортензи раскинул дрожащие руки» [61].

“...und der alte **Literat** Ortensi breitete zitternd die Arme aus” (нем. высок. литератор; презр. писака) [123].

Заимствованный суффикс *-er*, участвующий в образовании наименований лиц, обнаруживает в анализируемых текстах необычное употребление, например, в слове Франкфуртер, использованном переводчиком для обозначения лица по месту жительства и являющимся эквивалентом немецкой лексемы «*der Frankfurter*» (житель Франкфурта). Данная русская лексема является полной калькой с немецкого наименования, созданной переводчиком преднамеренно с целью усиления экспрессии пренебрежения и иронии. Лексема *карабинеры*, являясь нейтральной лексической единицей, адекватно передает семантику немецкого словосочетания «*die bewaffnete Macht*» (вооруженные силы) в данном контексте. Слово «парламентер» в русском переводе передает содержание достаточно пространной немецкой фразы, не содержащей этой заимствованной лексемы.

Посредством заимствованного непродуктивного суффикса *-(m)or* образуются наименования лиц по роду деятельности, обладающие

свойствами терминологической лексики. Русская лексема «арендатор» точно передает семантическое содержание немецкого суффиксального образования *der Pächter*. Русская лексема «литератор», как отмечалось выше, характеризуется отнесенностью к нейтральному пласту лексики, а немецкое слово «*der Literat*» имеет два лексико-семантических варианта: «литератор» – высокое существительное, «писака» – разговорно-фамильярное. Будучи употребленной в любом из значений, немецкая лексическая единица выступает в данном контексте в качестве экспрессивно окрашенной лексемы для характеристики одного из жителей сатирически изображаемого провинциального итальянского городка.

► с помощью суффикса *-анин/-янин*:

«**Англичанин** в последнюю минуту выбежал сам и вытащил актрису» [61].

“**Der Engländer** ist mit der Komödiantin hinuntergelaufen” (нем. англичанин) [123].

«Пусть **мещане**, злопыхатели и евреи находят в нем сколько угодно недостатков, но молодой кайзер...-личность исключительная» [62].

“**Die Philister**, Nörgler und Juden mochten an ihm aussetzen was sie wollten, alles in allem war unser herrlicher junger Kaiser” (нем. мещане, обыватели) [124].

«...и, двинув **дворянина** с простолудином так, что оба, не удержавшись на ногах, упали...» [61].

“er stieß den **Edelmann** und den Bauern vor die Brust, daß sie hintenüber in den Wagen fielen...” (нем. дворянин) [123].

«Правда, пришлось...отказать кое-кому из наших именитых **горожан**» [61].

“...und mehrere andere gute **Familien** haben auf eine Loge verzichten müssen” (нем. семьи) [123].

Книжный суффикс *-анин/-янин*, присоединяясь к основам имен существительных, образует наименования лиц по происхождению из какой-

либо местности или по принадлежности к какому-нибудь коллективу. В некоторых лексемах этот суффикс можно выделить чисто условно (например, *мещанин*), поскольку они подверглись процессу деэтимологизации. Разные по словообразовательным особенностям немецкие лексемы с той же семантикой переводятся русскими производными формами на *-анин*, способными с большой степенью адекватности передать их смысл.

Производные лексемы, образующиеся осложнением основы суффиксами субъективной оценки, посредством которых “выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок” [19]. Подобные лексемы широко употребляются в переводных текстах.

Например,

- «Я мог бы пойти домой, к моей маленькой **хозяйюшке** синьоре Камуцци» [61].

“Ich konnte zu meiner **Hausfrau**, der kleinen Camuzzi, gehen” (нем. хозяйка) [123].

«Старый **войка** сразу сник и даже как будто стал меньше ростом» [61].

“Ihr Blick ließ sich so schwer auf den alten **Krieger** nieder, daß er darunter kleiner ward” (нем. высок. устаревш. воин) [123].

Как видим, функцию субъективной оценки в слове «хозяйюшка» выполняет уменьшительно-ласкательный суффикс *-юшк-*, придающий лексеме ласкательность и служащий для выражения эмоционального отношения к называемому персонажу. Подобная экспрессия в немецком тексте актуализируется в данном случае только благодаря контексту.

Русская лексема «войка», выделяющая в своем составе усеченную основу и суффикс *-(а)ка*, благодаря которому она приобретает негативную оценочность и становится стилистически сниженной, противопоставлена существительному высокого стиля «воин». Таким образом, немецкая лексема

der Krieger (воин) и русский перевод «войка» относятся к диаметрально противоположным функциональным стилям и, казалось бы, должны обладать различной оценочностью, но ирония и пренебрежение, присущие русской лексеме также актуализируются и в немецком тексте благодаря употреблению высокого слова «воин» в подобном контексте.

«...кривобокий **учителишка** на кафедре не сводит с него ядовитого взора» [60].

“...weil der hochschulterige **Schwächling** auf dem Katheder ihn giftig anschielte und dazu pfauchte” (нем. слабак) [122].

«Вы все еще считаете меня подпольным **адвокатишкой?**» [61].

“Bin ich noch der **Winkeladvokat?**” (нем. разг. устаревш. крючоктвор, мелкий адвокатишка) [123].

«**Бургомистерчик**, – сказал Вулков и прищелкнул языком» [62].

“**Bürgermeisterchen**, – sagte Wulckow und schnalzte” (нем. бургомистрик) [124].

Данные примеры вызывают особый интерес, так как необычно само содержательное взаимодействие основы и словообразующего форманта в подобных лексемах, представляющих собой наименования профессий, которые достаточно редко способны присоединять суффиксы субъективной оценки. Данные суффиксальные образования с большой степенью адекватности передают иронию, уничижительность, презрение, содержащиеся в семантике немецкого слова *der Bürgermeisterchen*, являющегося окказиональным употреблением благодаря деминутивному суффиксу *-chen*, и сложносоставной лексемы *der Winkeladvokat*.

«Он, конечно, возненавидит вас – ведь маэстро отчаянный **интриган**» [61].

“...der Maestro ist ein **Intrigant**” (нем. интриган) [123].

«Такому **смутьяну** не следует давать работу» [61].

“Wir werden **dem** da nichts mehr zu tun geben” (нем. ему) [123].

Экспрессивный суффикс *-ан* придает русским отсубстантивным лексемам «интриган» и «смутьян» разговорно-неодобрительную окраску, благодаря которой язык русского перевода эмоционально насыщен и в полной мере передает дух немецкого контекста.

«Ну, тогда вы станете **циркачом**, а значит, вроде как моим собратом» [60].

“Aber denn werden Sie ja selber ‘n Zirkusfritze. ‘ne Art entfernter Kollege von mir” (нем. пренебр. циркач) [123].

«Разрушения, которые вы будто бы произвели в одиночку, не под силу даже профессиональному **силачу**» [60].

“So viel Unfug, wie Sie alleine verübt haben wollen, bringt ja **der stärkste Mann** nicht fertig” (нем. сильнейший человек) [123].

Разговорно-просторечные образования с суффиксом *-ач*: «силач», «циркач» в анализируемых переводах не обладают отрицательной оценочностью, которая присуща большинству подобных морфемных производных. С оригинальным текстом они также обнаруживают расхождения в эмоциональном плане. Например, лексема «циркач», не обладающая в переводном тексте дополнительной негативной коннотацией, соотносима с немецким словом *der Zirkusfritze*, в котором в качестве основного компонента выступает аффиксоид *-fritze*, обозначающий человека по роду занятий (названному первым компонентом) и придающий всему слову разговорный пренебрежительный оттенок.

В пределах данной группы слов можно выделить и лексемы, обозначающие родственные отношения:

- «Пока **папаша** Геслинг не спохватится и не снимет со стены трость» [62].

“Bis **Herr** Heßling etwas merkte und den Stock von der Wand nahm” (нем. господин) [124].

- «Его **сестрица** так расчувствовалась, что скоро никакая музыка уже не могла бы заглушить её рыданий» [61].

“...seine **Schwester** schluchzte so laut, dass es bald durch alle Musik zu hören sein musste” (нем. сестра) [123].

- «Это как будто **дочурка** фрау Даймхен?» [61].

“War das nicht das **Töchterchen** der Frau Oberinspektor Daimchen?” (нем. доченька) [123].

- «А ведь он приглашал её вместе с её **мамашей**» [61].

“Und doch sollte ihre **Mutter** dabei sein” (нем. мать) [123].

«Что ж, ступайте к **папеньке!**» [61].

“So gehen Sie doch zu Ihrem **Papa!**” (нем. папа) [123].

- «Не мешало бы показать её **муженьку**» [61].

“Ihr **Gatte** soll sehen...” (нем. высок. супруг) [123].

Как видим из примеров, данные суффиксальные образования выступают в тексте в качестве ласково-фамильярных обращений. Но субъективное, эмоциональное и оценочное отношение может иметь различные оттенки, поэтому эта категория слов неоднородна. Например, лексема «сестрица» в данном контексте выражает иронию говорящего персонажа, а через него – отрицательное отношение автора к одной из провинциальных горожанок в произведении «Маленький город». Русская фамильярно-ласковая разговорная лексема «муженек» выступает в качестве эквивалента немецкого слова «der Gatte» (супруг), относящегося к высокому стилю. Немецкая лексема, являясь экспрессивной единицей в данном контексте, лишена того оттенка ласкательности, который передается русским производным образованием, поэтому нельзя говорить о полной адекватности перевода в данном случае.

Производные лексемы, называющие лицо женского пола по мужскому и образованные от той же основы, что и наименования лица мужского пола:

► с помощью суффикса *-щиц(а)* (соотносительно с *-щик*)

«**Трактирщица** в таком большом городе , как Рим, конечно, одевается как все» [61].

“...eine **Wirtin** in einer großen Stadt wie Rom geht natürlich angezogen wie alle andern” (нем. трактирщица, хозяйка) [123].

«Слышишь, поют точь-в-точь как в Поццо **сборщицы** винограда» [61].

“Sie singen, wie die **Mädchen** in Pozzo singen, bei der Weinlese” (нем. девочки) [123].

«Сегодня мне суждено любить вероломную, познать счастье с **обманщицей**» [61].

“...nun soll ich lieben, **die mich verriet**” (нем. ту, которая меня предает) [123].

«Некоему господину уже вчера не терпелось завязать знакомство с одной из **молельщиц**» [61].

“Dieser Herr wünschte schon gestern eine **der Person** kennenzulernen, **die in den Dom gingen**” (нем. персона, которая ходит в церковь) [123].

► с помощью суффикса *-ниц(а)* (соотносительно с *-ник*)

«Служанка купца Манкафедде – первая **сплетница** в городе!» [61].

“Und die Nachbarin war Pomponia, vom Kaufmann Mancafede, die ärgste **Klatschbase!**” (нем. разг. сплетница, болтушка) [123].

«Хорошо, если бы сегодня **привратницей** была Амика!» [61].

“Wird heute die **Pförtnerin** Amica sein?” (нем. привратница) [123].

«Его **племянница** Амелия в своем белом кисейном платье растерянно подняла глаза к небу» [61].

“...seine **Nichte** Amelia starrte aus ihrem weißen Mullkleid entgeistert zum Himmel auf” (нем. племянница) [123].

► с помощью суффикса *-тельница(а)* (соотносительно с суффиксом *-тель*)

«Ваша очаровательная **приятельница** – синьорина Италия» [61].

“Sie haben eine schöne **Kollegin** – das Fräulein Italia” (нем. сослуживица) [123].

«Это **покупательница** прошла, синьор» [61].

“Eine **Kundin** ging vorüber, mein Herr” (нем. покупательница) [123].

«А, **предательница!** – он бросился в ворота ее дома» [61].

“Ah! **Verräterin**, - und er warf sich ins Haustor” (нем. предательница) [123].

► с помощью суффикса *-к(a)* от непроизводных и заимствованных основ – наименований лиц мужского пола

«Меня он назвал **идиоткой**» [61].

“Mich hat er bereits **Idiotin** genannt” (нем. идиотка) [123].

«...недаром я с первой минуты почувствовал, что вы великая **артистка**» [61].

“...ich habe sofort erkannt, dass Sie eine große **Künstlerin** sein müssen” (нем. артистка) [123].

«...а теперь сын его попал в лапы этой маленькой **интриганки**» [61].

“...und sein eigener Sohn opferte seine Zukunft einer kleinen **Intrigantin!**” (нем. интриганка) [123].

«Как взвинчены нервы у бедной **дебютантки**» [61].

“Sie begreifen die Aufregung einer **Anfängerin**” (нем. начинающая) [123].

«Из дилижанса тем временем выгружали смеющуюся **брюнетку**» [61].

“Aus der Post ward eine **schwarze**, lachende **Person** gehoben” (нем. черная особа) [123].

«А теперь накинута на ее **соседку**» [61].

“...und nun **die nächste**” (нем. следующая) [123].

Как видим, русские лексемы с суффиксом *-тельница(a)* и *-к(a)* адекватно характеризуют персонажей немецких произведений и являются полными эквивалентами оригинальных лексических единиц с суффиксом *-in*, называющих лиц женского рода.

► с помощью суффикса *-к(а)* от названий лиц мужского пола с суффиксом *-ец*:

«На низком балконе дома Филиберти какая-то рослая **незнакомка** обмахивалась веером» [61].

“...auf dem niedrigen Balkon des Hauses Filiberti fächelte sich **eine**” (нем. кто-то) [123].

«...важная **иностранка** оглядывала в публике женщин» [61].

“...eine **fremde Dame** musterte ringsum die Frauen” (нем. иноземная, неизвестная дама) [123].

от названий лиц мужского пола с суффиксом *-ист*:

«Но познакомьте и вы меня с той рослой **хористкой**» [61].

“Ich werde Sie mit ihr bekannt machen, unter der Bedingung, dass Sie mich jener großen **Choristin** vorstellen” (нем. хористка) [123].

► с помощью производных суффиксов *-енк(а)* от бессуффиксных основ мужского пола и *-овк(а)*:

«Маленькая **монашенка**, сделав полный круг, еще ближе проскользнула мимо него» [61].

“Eine kleine **Nonne** wendete sich nach ihm um, sie lief noch einmal ganz nahe vorüber” (нем. монахиня) [123].

«Вот **чертовка**-то! – возмутился Полли» [61].

“Aber das ist ja ein **Damon!**” (нем. демон) [123].

Непродуктивный суффикс *-енк(а)*, как видим, никоим образом не изменяет лексического значения слова «монахиня», а лишь придает лексеме «монашенка» оттенок разговорности, что не мешает данной лексической единице выступать в качестве эквивалента немецкой лексеме «die Nonne» (монахиня). Интересен, на наш взгляд, второй пример, где русская лексема «чертовка», которая характеризуется не только наличием словообразовательного элемента *-овк(а)*, но и семантической

трансформацией своего значения, соответствует в анализируемых текстах немецкому слову «Damon» (демон). По нашему мнению, лексема «чертовка» носит оттенок не только пренебрежения, но и некоторой ласкательности, чего нельзя сказать о семантическом деривате «демон», употребленном Г. Манном для отрицательной характеристики актрисы, оперной певицы одного из захудалых итальянских бродячих театров.

► продуктивный суффикс *-и(a)*, называющий женский пол по мужскому при определении профессии или семейного положения:

«...а **докторша**, видать, не дождется своего Нелло...» [61].

«...wartete die **Frau des Doktors** auf ihren Nello» (нем. жена доктора) [123].

«**Бургомистерша** требовала, чтобы муж обратился к директору школы» [62].

“**Die Frau Bürgermeister** wünschte, dass ihr Gatte beim Schuldirektor etwas gegen einen Oberlehrer unternehme” (нем. жена бургомистра) [124].

«**Пасторша** подтвердила слова дочери» [62].

“Auch die **Frau Pastor** bestätigte es” (нем. жена пастора) [124].

«Она **миллионерша**» [62].

“Sie war **Millionärin!**” (нем. миллионерша) [124].

«Ей-богу, сдохнуть можно, госпожа **профессорша** Гнус!» [62].

“Ich lach mir ja ‘n Ast! **Frau Professor** Unrat...” (жена профессора Унрата) [124].

Русские лексемы, выделяющие в своем составе суффикс *-и(a)* характеризуются определенной стилистической сниженностью и отнесенностью к просторечию. Кроме того, им присущ оттенок отрицательной оценочности. Поэтому, выступая в роли эквивалентов немецким словосочетаниям *Frau des Doktors* (жена доктора) или «*die Frau Bürgermeister*» (жена бургомистра), русские лексемы отличаются большей экспрессивностью и стилистической маркированностью. Лексема «миллионерша» адекватна немецкому слову «*die Millionärin*» в

семантическом плане, но также обнаруживает расхождения в эмоциональном отношении, так как немецкий суффикс *-in* не привносит никаких дополнительных коннотативных компонентов в значение и не изменяет функционально-стилистическую принадлежность слова в отличие от русского форманта *-ш(а)*.

▶ с помощью суффиксов *-ачк(а)* (соотносительно с *-ак*)

«**Чудачка**, нашла в кого втрескаться» [61].

“**Welche Dummheit**, gerade diesen Künstler zu lieben” (нем. какая глупость) [123].

«Вот **истеричка!**» [62].

“So eine **hysterische Person!**” (нем. истеричная особа) [124].

Данные лексемы, мотивированные наименованиями лиц мужского рода с суффиксом *-ак/-ик* обращают на себя внимание, так как подобные образования возможны только в русском языке, что подтверждают указанные примеры. Причем русские производные отличаются большей категоричностью, а, следовательно, большей эмоциональностью.

▶ с помощью суффикса *-ин(я)*

«**Монахиням**, которые выставились из окон монастыря, он приказал немедленно убраться» [61].

“Die **Nonnen**, deren wese Flügelhauben aus den Fenstern des Klosters sahen, hatte er gezwungen, sich zurückzuziehen” (нем. монахини) [123].

«**Сударыня**, прошу прощения» [61].

“O **gnädige Frau**, verzeihen Sie mir!” (нем. благородная дама) [123].

«Как-то в Швейцарии она познакомилась с английской **герцогиней**» [60].

“Einmal in der Schweiz hatte sie die Bekanntschaft einer englischen **Herzogin** gemacht...” (нем. герцогиня) [122].

▶ функцию суффикса выполняет окончание

«**Супруга** певца продолжала...» [61].

“...aber die **Gattin** des Sangers vollendete...” (нем. ей) [123].

«Господь, которому вы сохраните его верную **рабу**, воздаст вам» [61].

“Der Herr, dem Sie eine **Magd** erhalten, wird ed Ihnen vergelten” (нем. служанка) [123].

«**Синьоре** понадобились свечи от комаров» [61].

“...**das Fräulein** wünschte Raucherkerzen gegen die Mucken” (нем. госпожа) [123].

Также встречаются единичные образования с заимствованным суффиксом *-ис(а)*:

«**Аббатиса?** – спросил он и простер руки» [61].

“**Die Äbtissin?** – fragte er und langte sich der Erscheinung” (нем. аббатиса) [123].

Как видим из приведенных примеров, русский язык располагает достаточно большим арсеналом средств, в частности, суффиксов, передающих значение женскости. Русские производные образования с суффиксами *-к(а)*, *ш(а)*, *-ниц(а)*, *-щиц(а)*, *-ин(я)*, *-ис(а)*, *-овк(а)* и др. адекватно передают значение немецких лексем с подобной семантикой, образующихся «посредством суффикса *-in*, от наименований лиц мужского пола, особенно от наименований по профессии и по социальному положению и актуализирующих значение женскости в немецком языке» [127].

3. Наименования лица, произведенные от прилагательных. Это наиболее регулярная и семантически однородная группа, общее значение которой ‘лицо, характеризующееся признаком’. Можно выделить лексемы, образованные:

► с помощью суффикса *-ец* и называющие лицо по признаку, качеству, определяющему характер:

«Какой же я **глупец**, и как же я смешон» [61].

“Ich bin ein **Nar**, bin lächerlich” (нем. глупец) [123].

«Экий **хитрец!** – воскликнул хозяин гостиницы...» [61].

“Der **Schlaukopf!** – rief der Wirt” (нем. разг. хитрец) [123].

«Он ясно понял, за какого **подлеца** я его считаю» [61].

“Er weiß zu dieser Stunde, dass ich ihn für einen **Schurken** halte” (нем. негодяй) [123].

«**Счастливец**, она любит тебя больше, чем барона» [61].

“**Glücklicher Mann**, der du bist!” (нем. счастливый мужчина) [123].

«Глядите, он к тому же еще и **храбрец!**» [61].

“Auch **tapfer** ist er!” (нем. храбрый) [123].

«...а священники такие **простецы!**» [61].

“...und die Priester sind **grob**” (нем. грубые) [123].

«Не мешало бы проучить **ревнивца**» [61].

“Man sollte etwas unternehmen, um ihm seine alberne **Eifersucht abzugewöhnen**” (нем. отучить от ревности) [123].

«Надо к тому же знать, какой он **гордец**, этот адвокат» [61].

“Man muss **den Stolz** des Advokaten kennen” (нем. какова его гордость) [123].

«Кому на пользу неурядица в городе? Разве только этому **наглецу**» [61].

“Wer wird von dem Streit der Bürger den Vorteil haben? Niemand als dieses **Schwein**” (нем. свинья) [123].

Как видим, лексемы «хитрец», «подлец» и «глупец» наиболее адекватно передают семантику немецких неизменяемых существительных с идентичным значением. Субстантивы «счастливец», «простец» и «храбрец» стремятся передать смысл, актуализируемый в оригинальном тексте с помощью имен прилагательных glücklich (счастливый), tapfer (храбрый), grob (грубый, неотесанный), и отличаются от оригинала большей эмоциональностью. Лексемы «ревнивец» и «гордец», употребленные переводчиком, соответствуют в исследуемых текстах немецкому словосочетанию j-m Eifersucht abgewöhnen (отучить к-либо от ревности) и синтаксической конструкции man muß Stolz des Advokaten kennen (нужно знать какова гордость адвоката) и, на наш взгляд, обладают такой емкостью значения, что способны передать тончайшие оттенки иронии автора. Весьма

интересен последний пример, где русская лексема «наглец» употреблена переводчиком для характеристики человека, названного в оригинальном тексте словом «свинья» (Schwein). Являясь семантическим дериватом, немецкая лексема уже по своему способу образования представляет собой более экспрессивную лексическую единицу с резко сниженной оценкой, нежели русское суффиксальное производное «наглец».

► с помощью суффикса *-ик* от основы имени прилагательного на суффиксальное *-н(ый)*, называющие лицо по какому-нибудь признаку или по кругу деятельности.

«Как мало нас, **праведников**» [61].

“Wie wir **Guten** wenige sind!” (нем. субст. прилаг. хорошие) [123].

«Он даже сказал: я, мол, большой **грешник**, чем адвокат» [61].

“Er hat sogar gesagt, er selbst sei **sündhafter** als der Advokat” (нем. более грешный) [123].

«До чего это обидно, маэстро, но портной – отчаянный **склочник!**» [61].

“Welch Unglück, Maestro, dass **ein friedliches Leben mit dem Schneider nicht möglich ist!**” (нем. мирная жизнь с портным невозможна) [123].

Лексема «грешник» является полным эквивалентом немецкого адъектива *sundhaft* (грешный) и, характеризуя человека более категорично, наделяет его постоянным качеством, что характерно для имен существительных. Также для передачи немецкого субстантивированного прилагательного *Guten* (хорошие) переводчик употребил лексему «праведники», которая по нашему мнению, самим значением своей основы конкретизирует положительные качества номинанта и как нельзя более подходит для сатирической характеристики жителей города, погрязших в грехах и интригах.

«Скоро **разлучница** Италия позовет меня» [61].

“Sogleich wird Italia, die **Verräterin**, mich rufen” (нем. предательница) [123].

► с помощью суффикса *-ак/-як*, обозначающие лицо по признаку, определяющему социальное положение, характер:

«Я, как убежденный **холостяк**, ничего от этого не теряю» [61].

“Was tut es übrigens mir, der ich **Junggeselle** bin” (нем. холостяк) [123].

«...и он обезоружил бы рабочего, который якобы хотел обидеть его, своего брата, такого же **бедняка**, как он сам» [62].

“...und er entwaffnet den Arbeiter, den ihn herausfordern mochte, seinen Kameraden, einen **armen Teufel** wie er selbst” (нем. бедняга) [124].

«...но тот так яростно кричал..., что **простак** отступил» [61].

“...aber Gelileo machte...so furchtbar, daß der **Fuhrmann** bestürzt zurückschwänget” (нем. извозчик) [123].

«Ах, в тысячу раз лучше сознавать, что она исчезла и погребена заживо, чем представить себе ее среди **пошляков**» [61].

“Ah! Tausendmal lieber wollte er sie dort oben verschwunden, begraben wissen als lebend unter **Gemeinen**” (нем. устаревш. субст. прилаг. рядовой, низкий) [123].

Особой оговорки требует русская разговорная лексема *простак*, наделенная негативной оценкой и называющая лицо, которое в немецком тексте обозначено нейтральным словом *Fuhrmann* (извозчик), не обладающим, как любая терминологическая единица, никакой оценочностью.

Лексема *бедняк*, употребленная в качестве эквивалента немецкого устойчивого словосочетания *armer Teufel* (бедняга), на наш взгляд, не передает должным образом его семантику, так как обозначает бедного человека, не имеющего достаточно средств к существованию, в то время как немецкая фразеологическая единица обладает значением ‘несчастный человек, бедняга’.

Немецкая лексема *die Gemeinen* (рядовые, низкие) и русская лексема *пошляки* совпадают в эмоциональном отношении, так как, будучи

устаревшим, немецкое слово приобретает в данном контексте стилистическую маркированность и употреблено автором с целью иронии.

4. Сложносоставные лексемы, распадающиеся на:

наименования лица, произведенные путем сложения с различной суффиксацией, где опорным выступает глагольный компонент:

«У господина **магазиновладельца** Кона есть своя армия?» [62].

“Herr **Wahrenhausbesitzer** Cohn hat eine Armee!” (нем. владелец магазина) [124].

«...потому что есть **работодатели**, которые плывут в фарватере социал-демократов» [62].

“...und es gewisse **Arbeitgeber** gibt, die im sozialistischen Fahrwasser schwimmen” (нем. работодатель) [124].

«Ведь я стою в городе на первом месте как **налогоплательщик**» [61].

“...er oder ich, der fünftgrößte **Steuerzahler** der Stadt?” (нем. налогоплательщик) [123].

«Она остановилась у лавки **книготорговца** Редлина» [60].

«...такое гнездо **вольнодумцев**, как Нетциг, не включают в сеть железнодорожных путей» [62].

“Natürlich, für so ein **freisinniges Netz** gab es weder Bahnanschlüsse noch Militär” (нем. либеральные сети) [124].

Существительные, образованные посредством сложения основ с помощью суффиксов *-ец*, *-тель*, *-щик* в исследуемых текстах, прежде всего называют лицо по роду занятий, заменяя собой сочетания слов. Подобные образования нейтральны в стилистическом отношении и адекватно передают семантику немецких существительных, с которыми совпадают не только в содержательном, но и в структурном плане. Интересен последний пример, где немецкий семантический дериват *freisinniges Netz* (либеральные сети) достаточно адекватно передан русским словосочетанием «гнездо вольнодумцев».

Наименования лица, образованные путем сложения основ со сложной словообразовательной структурой:

«Потому что, к вашему сведению, это сын **сыровара**» [61].

“Sie müssen wissen, dass dieser Sohn eines **Käseverkäufers** ist” (нем. продавец сыра) [123].

«**Брадобрей** развел руками и склонился до самой земли» [61].

“Der **Barbier** breitete die Arme aus und krümmte sich zu Boden” (нем. уст. цирюльник, брадобрей) [123].

«А ведь он отличный **зубодер** – наш доктор!» [61].

“Wie **er tüchtig** ist, der Doktor!” (нем. доктор хорош!) [123].

Анализируемые русские лексемы данного типа тоже называют лицо по роду деятельности, но, в отличие от вышеописанных лексем они, как правило, характеризуются стилистической маркированностью и определенным “приращением смысла”, возникающим за счет оценочного и коннотативного фактора. Лексема «брадобрей», являющаяся устаревшей и в немецком, и в русском языке, употреблена автором и переводчиком в данном контексте с целью высмеивания одного из горожан, работающего парикмахером, и создания комического эффекта, так как «инакостильные элементы (возвышенная лексика, поэтизмы, архаизмы, сугубо научные термины ...и т.п.) преобразуются в средства пародии, сарказма, юмора, разоблачения ложной патетики и снобизма, высмеивания неучей и полуобразованных людей...» [32]. Назвав доктора «зубодером», переводчик тем самым не только выразил иронию по отношению к человеку, занимающемуся врачеванием, но и сумел передать все то презрение и негативную оценку, которые несет в оригинале прилагательное «tüchtig» (хороший), означающее ‘знающий свое дело’, но употребленное Г. Манном в диаметрально противоположном значении.

Наименования лица, представляющие собой сложные слова, в составе которых одна из частей – приложение, сливающееся с определяемым

компонентом. Подобные лексемы, как известно, заключают в себе качественную характеристику лица и “мыслятся как предмет, квалифицирующий собой другой предмет” [21].

«Об этом Дидериху уже было известно со слов **приятеля-корпоранта**» [62].

“Hiervon war Diederich durch seinen **Korpsbruder** unterrichtet” (нем. устаревш. корпорант) [124].

«Вдова Пастекальди умоляла своего **соседа-аптекаря** предупредить об опасности ее сына» [61].

“Die Witwe Pastecaldi bat flehentlich ihren **Nachbar, den Apotheker...**” (нем. соседа, аптекаря) [123].

«Не то что какие-то **замухрышки-актеры!**» [61].

“was sind daneben diese **armen jungen Leute?**” (нем. бедные молодые люди) [123].

«...когда никто, а тем более **лентяй-актер**, не покажется на улице, он возвращается откуда-то через городские ворота» [61].

“...zu einer Stunde, wo noch niemand, und am wenigsten ein **fauler Komödiant**, auf der Straße ist, er vom Tor her in die Stadt zurückkehrte” (нем. ленивый комедиант) [123].

«Это все шутки **кровососа-булочника**, наложить бы ему как следует» [61].

“Du willst wohl Prugel, **Volksaushungerer?**” (нем. берущий людей измором) [123].

Приведенные примеры показывают, что русские приложения как нельзя ярче передают содержание немецких субстантивных словосочетаний или композитов. Лексема «замухрышки-актеры», передавая смысловой компонент немецкого словосочетания *diese armen jungen Leute* (эти бедные молодые люди), характеризует артистов захудалого итальянского театра более эмоционально и отрицательно. То же самое можно сказать и о русской лексеме «лентяй-актер», выступающей в качестве эквивалента немецкого

словосочетания ein fauler Komödiant (ленивый комедиант, актер), где вся экспрессия сконцентрирована в имени существительном Komödiant (актер, комедиант), которое является устаревшим и употреблено с определенной стилистической целью. Наиболее интересен с точки зрения экспрессивности последний пример, где лексема «кровосос-булочник» стремится передать семантику немецкого окказионального композита der Volksaushungerer, не зафиксированного немецким толковым словарем DUDEN и, вероятно, имеющего значение ‘человек, берущий людей измором’. Всю экспрессию и первоначальную образность немецкого авторского новообразования автор перевода попытался выразить русским сложным словом «кровосос-булочник», где первый компонент сосредоточил в себе ту оценку, на основе которой возникает яркий образ.

Лексемы разных типов, возникающие на базе аффиксального словообразования и одновременно характеризующиеся соотносительностью с семантически преобразованной производящей основой, а также словообразовательные дериваты, возникшие на основе фразеологизмов.

«Адвокат не **душегуб!**» [61].

“Eh! Der Advokat wird kein **Mörder** sein” (нем. убийца) [123].

«Пусть **злопыхатели** отряхнут с ног своих прах Германии» [62].

“...die **Nörgler** mochten gefälligst den deutschen Staub von ihren Pantoffeln schütteln” (нем. придира, брюзга) [124].

- «Эх вы воры, **кровососы!**» [61].

“Ah! Die **Volksausbeuter**, die Diebe” (нем. эксплуататоры народа) [123].

- «...мало ли он детей наплодил этот **юбочник**» [61].

“Als ob es nicht so viele kleine Advokaten gäbe – die er selbst gemacht hat, der **Mädchenjäger**” (нем. охотник на женщин) [123].

«Папа становится **ветреником?**» [62].

“Papa wird **leichtsinnig!**” (нем. легкомысленный) [124].

«...он теперь, поди, со всеми этими **вертихвостками** крутит» [61].

“...der sie mit all den **Weibern** vom Theater betrog!” (нем. разг. женщина, презр. баба) [123].

«Впрочем, не мудрено, что все видят в вас опасного **сердцеда**» [61].

“Ist es zu verwundern, daß man den **Besieger der Frauen** in Ihnen sieht?” (нем. покоритель женщин) [123].

«...ища выхода из тупика своего бессилия, метался, одержимый желаньем раскроить череп хоть одному такому **тупице**» [60].

“...wand sich unter der Begierde, so einen Schadel einmal aufzuschlagen und den Schönheitssinn darin mit krummen Fingern zurechtzurucken” [122].

Как видим из примеров, все русские словообразовательные дериваты, характеризующиеся семантической двуплановостью, образностью: «сердцеда», «вертихвостки», «душегуб», «кровосос», «злопыхатель», «ветреник», «тупица» представляют собой экспрессивные лексические единицы с той или иной степенью яркости мотивации и, как правило, отрицательным зарядом. Этого нельзя сказать о немецких лексемах – der Morder (убийца), der Norgler (придира), leichtsinnig (легкомысленный); словосочетаниях: ich sei gross in Worten (бесподобен на словах), Besieger der Frauen (покоритель женщин). Интересен пример, где немецкий композит der Volksausbeuter (эксплуататор народа) передан русским словообразовательным дериватом, образованным на основе фразеологизма сосать кровь в значении ‘мучить, издеваться над кем-либо’ и характеризующим известных людей города – адвоката и священника крайне негативно. Русская разговорная лексема юбочник в значении ‘любителю женщин’ вследствие семантического переосмысления основы характеризуется яркой экспрессией презрения и негативной оценкой в сравнении с немецким словом der Mädchenjäger, выразительность которого возникает только благодаря окказиональному сложению основ das Mädchen (девочка) и der Jäger (охотник).

Третью группу образуют наименования лица, возникшие в результате различных семантических переосмыслений. Подобные лексемы активно используются автором и переводчиками для яркой и выразительной характеристики героев. Еще Г. Пауль заметил, что «внутреннее побуждение нередко заставляет отдать предпочтение метафорическому выражению даже тогда, когда к услугам говорящего уже имеется готовое название» [126].

Стремясь не просто назвать, а охарактеризовать человека, дать ему ту или иную оценку, все языковые единицы данной группы представляют собой экспрессивные лексические единицы, поскольку «возникающая в сознании человека при их употреблении связь двух представлений, обычно весьма удаленных друг от друга, создает особую выразительность» [52].

С этой целью активно используются слова, за которыми стоят объекты окружающего нас мира.

► Наиболее распространенным и регулярным явлением в данной группе слов является перенос качеств животного на человека, благодаря чему возникает очень выразительные в эмоциональном отношении слова-характеристики:

«Ага, папаша Джовакконе, **свинья** ты этакая, небось большую деньги зашибаешь, ведь святая вода недорого обходится!» [61].

“Ah! Freund Giovaccone, **Schwein**, das du bist, die Geschäfte gehen wohl gut, denn das Weihwasser kostet dich wenig!” (нем. свинья) [123].

«Посмотрите на эту богопротивную **обезьяну**! Кто, как не он, вовлек нас в междоусобную войну» [61].

“Seht den Hässlichen **Affen**! Es scheint, daß er es ist, der uns in den Bürgerkrieg gehetzt hat” (нем. обезьяна) [123].

«Священник-то недаром боялся подпускать актеров к своим **овечкам**» [61].

“...warum er die Komödianten nicht zu seinen **Schäfchen** hineinlassen wollte” (нем. овечки) [123].

«Но порозовевшая Агнес смеялась и называла его своим **медведем**» [62].

“Aber sie lachte, sah rosig aus und nannte ihn ihren **Bären**” (нем. медведь) [124].

«Ведь она совершеннейшая **рыба**» [61].

“Denn sie ist **kalt...**” (нем. холодная) [123].

«Подлая **скотина**, – думал он – но таким и нужно быть» [62].

“Ein ganz gemeiner **Hund**, - dachte Diederich. Aber so muss man sein...” (нем. собака) [124].

«Не человек, а **медуза**! А самомнение! Сохрани бог нашу семью от подобной все разъедающей беспринципности» [62].

“Ein Mensch wie eine **Qualle**! Und von einem geistigen Dunkel! Gott behüte unser Haus vor solcher alles zerfresenden Überzeugungslösigkeit” (нем. как медуза) [124].

«Вы, я замечаю, гуляете, синьор Дженнари? Тоже **ранняя пташка!**» [61].

“Sie gehen spazieren, wir ich bemerke, Herr Gennari. **Sie sind früh auf**” (нем. рано встаете) [123].

Как видим, называя скромных и тихих монахинь «овечками», высокомерную, недоступную актрису – «рыбой», а человека, не имеющего, строгих жизненных принципов – «медузой», Г. Манн и переводчик не только наделили этих персонажей свойствами этих животных, но и отрицательно охарактеризовали их. Некоторые наименования животных, употребляющиеся для обозначения лиц, являются бранными словами не только в русском, но и в немецком языке, например, Affe (обезьяна), Schwein (свинья), Esel (осел), Hund (собака) и пр. Возникнув, как было указано выше, в результате процесса метафоризации зоонимов, подобные дериваты представляют собой один из самых древних и распространенных видов семантического переноса и в большинстве случаев совпадают в анализируемых немецких и русских текстах. Обращает на себя внимание последний пример, где смысл нейтральной немецкой синтаксической конструкции *sie sind früh auf* (вы рано встаете) адекватно передан русским часто используемым

семантическим дериватом со стертой экспрессией ранняя пташка. Особый интерес вызывает использование переводчиком зоонима медуза, называющего мягкого человека, человека без принципов в исследуемых текстах и не характерного как для русского культурного наследия, так и для русского языка. Это позволяет нам полагать, что данное наименование – калька с немецкого семантического деривата *die Qualle* (медуза).

► Достаточно частотны наименования лица, образованные на основе переноса свойств предметов на человека. Данный тип переноса также получил широкое распространение в виду того, что сопоставление человека с неодушевленными предметами реальной действительности – очень выразительное средство оценки всевозможных качеств людей.

«Ему достаточно было выдать свою внучку за племянника досточтимого Мачели,- он крупная **шишка** в палате...» [61].

“...er seine Enkelin mit dem Neffen des ehrenwerten Macelli verheiratete, eines **großen Tieres** aus der Deputiertenkammer” (нем. разг. важная птица) [123].

«Неужели я навсегда останусь **тряпкой**» [62].

“Werde ich denn ewig so **weich** bleiben?” (нем. мягкий) [123].

«...он, мол, за то, чтобы кайзер был кайзером, а не **марионеткой**» [62].

“...Diederich betonte mit abgehackerter Kommandostimme, dass er keinen **Schattenkaiser** wunsche” (нем. призрачный кайзер) [124].

«Экая **язва** этот дон Тадео!» [61].

“Ah! **Dieser Don Taddeo!**” (нем. этот дон Тадео) [123].

Данная подгруппа не обнаруживает такой степени сходства в употреблении слов-характеристик лица в оригинале и переводном тексте, как предыдущая. Произведения Г. Манна отражают ту действительность, которая связана с жизнью немецкого народа и немецкого менталитета. И именно немецкий язык является той базой, на основе которой воплощаются художественные образы. Но перевод рассчитан, прежде всего, на русского

читателя, имеющего свои культурно-этнические особенности, представления, ассоциации, нашедшие отражение в русском языке. Сохранение национального своеобразия подлинника, но в то же время с учетом системы образов русского народа вызывает «необходимость изменять вещественные значения слов, другие оставлять не воспроизведенными, вводить новые слова, менять грамматические отношения и т. д.» [105].

Так, русская разговорная лексема с «ослабленным образным элементом» - «шишка» со значением ‘человек, занимающий высокую должность и имеющий вес’ адекватно передает семантику немецкого разговорного словосочетания *ein grosses Tier* (большой зверь), переводимого словарем как ‘важная птица’, и характеризующего крупного чиновника, имеющего голос в парламенте. Русская лексема тряпка, употребленная для характеристики Дидериха Геслинга, героя романа «Верноподданный», который всегда боится показаться нерешительным, хочет во всем походить на чтимого им кайзера и доводит свои верноподданнические чувства до абсурда, образно и выразительно характеризует героя, как человека, не имеющего своего мнения, мягкого, нерешительного, в отличие от немецкого нейтрального прилагательного *weich* (мягкий). Лексема «язва» употреблена переводчиком для образного и эмоционального изображения священника, возглавившего один из противостоящих лагерей, на которые вследствие конфликта разделились жители города. В немецком тексте подобные характеристики менее эмоциональны, а иногда и вообще лишены какой бы то ни было образности и метафоричности.. Семантический дериват «марионетка», употребленная в исследуемом переводном тексте в значении ‘человек ведомый, выполняющий чужую волю’, представляет собой эмоционально окрашенную лексическую единицу, которая стремится передать семантику немецкого сложного авторского новообразования *Schattenkaiser* (призрачный кайзер).

► Перенос наименований мифических, вымышленных сказочных персонажей на человека:

«Ты **ведьма**, я боюсь тебя!» [61].

“Du bist eine **Hexe**! Ich fürchte mich vor dir” (нем. ведьма) [123].

«Эк его разбирает! – шептались перед кафе. Да это суший **демон**» [61].

“Wie er sich abarbeitet! – raunte man beim Cafe einander zu. Er gleicht einem **Damon**” (нем. демон) [123].

«Замолчите вы, **черти**! Мы тоже деньги платили!» [61].

“Man hört nichts! **Buffonen**! Auch wir haben bezahlt!” (нем. бран. паяц, петрушка) [123].

Указанный тип переноса, как свидетельствуют примеры, является достаточно сильным средством выражения экспрессии как в немецком, так и в русском языке. Лексемы, употребленные переводчиком, выполняют ту же функцию, что и в немецком языке и, как правило, совпадают в обоих языках. Лексема «черти» употреблена переводчиком соотносительно с немецким бранным словом *Buffone* (паяц, петрушка), вероятно, потому, что слова паяц и петрушка не относятся в русском языке к бранной лексике, а семантическое производное черти точнее передает эмоциональность со знаком минус оригинального словоупотребления.

► Перенос с названий людей с определенными физическими, психическими отклонениями или отрицательными душевными качествами на характеризуемого человека:

«Да и крыша бы не загорелась, если бы этот **идиот** Маландрини не вздумал сушить на чердаке кукурузные кочерыжки» [61].

“Und auch das Dach wurde niemals brennen, wenn nicht dieser **Esel** von Malandrini in dem offenen Speicher gerade darunter seine Maiskolben zum Trocknen hingelegt hatte” (нем. осел) [123].

«Вот кто заслужил это, узколобый **кретин**!» [61].

“Er verdient es wie kein zweiter, dieser **Ignorant**” (нем. книжн. невежда) [123].

«Мы и ловили этих **выродков**, да только на штыки» [62].

“Mit unsern Bajonetten hammer die kleenen **Luder** uffgefangen” (нем. бран. сволочь) [124].

«Был бы у меня такой сын! Мой суший **ирод**, да еще на мать с кулаками лезет» [61].

“Ware er mein Sohn! Mein Sohn ist **hässlich** und schlägt mich” (нем. скверный, отвратительный) [123].

Лексические единицы, образованные по данному типу переноса, обладают негативной оценочностью и адекватно характеризуют сатирических персонажей – жителей итальянского городка. Русская лексема «идиот» соответствует в исследуемых текстах немецкому слову *der Esel* (осел), представляющему собой семантический дериват, являющийся названием человека на основе признака ‘глупый, придурковатый’. Русская семантически производная лексема «идиот», обладающая достаточной экспрессией, на наш взгляд, адекватно передает семантику употребленного автором немецкого слова и стилистическую окрашенность соответствующей лексемы *der Esel* (осел) в значении ‘глупый, придурковатый’. Это же можно сказать и о семантическом производном «выродки, выступающем в качестве эквивалента немецкой бранной лексемы *die Luder* (сволочь), несущим такой же сильный отрицательный заряд и используемом в русском языке преимущественно в бранной речи. Лексема «кретин» особенно в сочетании с экспрессивным разговорным прилагательным «узколобый» в значении ‘тупой, глупый’, усиливающим стилистическую окрашенность, обладает большей эмоциональностью и негативностью, нежели немецкое слово *der Ignorant* (невежда), которое в гораздо меньшей степени обладает дополнительной негативной коннотацией.

Русская лексема «ирод», которая в исследуемых текстах соответствует немецкому прилагательному *hässlich* (отвратительный, скверный), является более экспрессивным и эмоциональным средством характеристики человека.

► Лексемы, возникшие в результате транспозиции по полу или по возрасту:

«Словом, я становлюсь совершеннейшей **бабой** и сам себе смешон» [61].

“...ich erscheine mir **wie eine Frau** und lächerlich” (нем. как женщина) [123].

«Он ведь старый **ребенок**, упрямый и с придурью» [62].

“Er war ja’n **altes Kind**, ‘n bisschen komisch eigensinnig” (нем. старый ребенок) [124].

Русское слово «баба», являясь семантическим производным, стилистически сниженным словом, характеризует в тексте мужчину более категорично и выразительно, чем немецкое сравнение *wie eine Frau* (как женщина), где лексема *Frau* (женщина) является нейтральной лексической единицей. Русский оксюморон старый ребенок является буквальным переводом немецкого словосочетания *ein altes Kind* (старый ребенок).

► Наименование человека по какому-то выразительному свойству, признаку или детали (например, одежды):

«Видно, дон Тадео в самом деле – **святая душа**» [61].

“Man sieht, dass Don Taddeo eine **erlesene Seele** hat” (нем. высок. имеет утонченную душу) [123].

«И что эти монастырские **юбки** повсюду треплются? – возмутился адвокат» [61].

“Wozu müssen diese heiligen **Unterrocke** immer unterwegs sein?” (нем. святые подъюбники) [123].

«Это могучий **талант** и первоклассный певец» [61].

“**Seine Kunst** zweifellos **die größte** und seine Stimme die glänzendste” (нем. его мастерство велико) [123].

«Полная **бездарность**, но так как живет с директором Кремонези, то в Парму явилась чуть ли не на правах примадонны» [61].

“Da sie die Geliebte des Direktors Cremonesi ist, wäre sie, **die nichts kann**, dennoch fast als Primadonna nach Parma gekommen” (нем. которая ничего не может) [123].

Русские лексемы «бездарность», «талант», «душа», образованные на основе метонимического переноса, в полной мере характеризуют бездарную певицу, талантливого актера театра, священника Дона Таддео, характеризуя которого, переводчик употребил словосочетание святая душа в полярно противоположном значении. Немецкий текст в эмоциональном отношении менее насыщен, так как для характеристики данных героев автор использует либо нейтральные словосочетания, либо пространные описательные конструкции.

Таким образом, имена существительные являются наиболее частотной лексикой, используемой с целью внутренней характеристики героев, так как в виду грамматических особенностей обладают способностью особенно ярко и эмоционально называть человека, что соответствует сатирическому жанру исследуемых произведений. Именно поэтому в пределах существительных можно обнаружить огромное количество экспрессивно окрашенных лексических единиц.

Яркую стилистическую окрашенность анализируемым переводным текстам придает использование слов, относящихся к различным стилистическим сферам: высокой, разговорной, просторечной, бранной.

Особую выразительность переводным текстам придает использование словообразовательных средств, прежде всего суффиксов, передающих тончайшие оттенки авторской иронии и оценки. Исследуемые тексты демонстрируют богатый арсенал суффиксов, служащих для наименования лица и способных продуктивно и регулярно образовывать антрополексемы от различных производящих основ, в то время как для оригинального немецкого текста характерно образование подобных лексем посредством словосложения или единичного суффикса *-er*, присоединяемого, как правило, к глагольной основе.

Словообразовательные морфемы зачастую придают русским производным образованиям дополнительные оттенки значения, что делает подобные лексические единицы более эмоциональными и выразительными.

В немецком тексте данную функцию, за исключением деминутивных образований, как правило, выполняют лексические средства или контекст.

С целью придания русским переводам большей экспрессии и стилистической окрашенности переводчик в ряде случаев употребляет лексемы, представляющие собой кальки с немецких лексем, которые в русском переводе могут быть охарактеризованы как окказионализмы.

Для характеристики лица в исследуемых переводных текстах широко используются лексические единицы, образованные лексико-семантическим способом, называющие человека с высокой степенью выразительности. И немецкий, и русский язык обнаруживают в этом отношении значительное сходство, несмотря на определенные расхождения в ассоциациях и образах, что обусловлено культурно-этническими особенностями.

Стремясь передать национальное своеобразие оригинала, связанное с особенностями немецкого языка, переводчик активно использовал разнообразные языковые трансформации: разноуровневые “подстановки” и такой тип описаний, который способен выполнять ту же функцию речевого воздействия.

2. 2 Адъективы – характеристики внутреннего мира человека

Имена прилагательные, основная функция которых, как известно, актуализация признака, широко представлены в анализируемых текстах с целью характеристики персонажей. Именно эта часть речи придает языку художественных произведений словесное богатство, и «мы воспринимаем картину жизни в произведении, да и само произведение как художественное явление, в определенном аспекте, в определенной оценке, в красках и звуках» [50].

Прилагательные, которые используют авторы переводов для внутренней характеристики героев, можно разделить на группы.

Первую группу образуют производные лексические единицы:

«Слесарь Фантапие впился в своего коллегу, слесаря Скарпетту, уничтожающим взглядом и кричал, приложив руки ко рту: **ПОДЛЫЙ** двурушник!» [61].

“Der Schlosser Fantapie fasste den Schlosser Scarpetta ins Auge und schrie durch die Hände: **Gemeiner** Sykophant!” (нем. низкий, подлый) [123].

«Он **ярый** фанатик и сильнее всех вас» [61].

“Er ist ein **böser** Fanatiker und starker als ihr alle” (нем. разг. очень, сильно) [123].

«Ты, что своими преследованиями помогаешь жене, этой **святой** страдальце, достичь рая...» [61].

“Du, der du deiner **heiligen** Gattin durch deine Verfolgung ins Paradies hilfst...” (нем. святая) [123].

«Но какой же ты **храбрый!**» [61].

“Wie **tapfer** du bist!” (нем. храбрый) [123].

«Он сразу смекнул, что я уже не прежний **глупый** мальчишка» [62].

“Der merkt es, daß ich kein **dummer** Junge mehr bin” (нем. глупый) [124].

«Бывают **добрые** пастыри и бывают дурные пастыри!» [61].

“Es gibt **gute** Priester, und es gibt schlechte Priester” (нем. хорошие) [123].

-“Я навсегда запомню, какая вы **злая!**” (М.Г.)

“Nie will ich’s wieder vergessen, wie Sie **böse** sind! (нем. злая)

«Ах, какой **приятный** кавалер!» [61].

“Ah! Was für ein **schöner** junger Mann!” (нем. красивый, хороший) [123].

«Ишь как его разобрало, **гнусного** стервеца!» [61].

“Sieh doch, sieh doch, welch **hässliches** Tier!” (нем. скверный, отвратительный) [123].

«Э, нет, старый друг, вы человек **дотошный**» [62].

“Nee, alter Freund, Sie sein **anschlagscher** Kopf” (нем. рег. диалект. находчивый, умный) [124].

«**Упрямый** старик назло всем поддерживает местных клерикалов» [61].

“Dieser **verstockte** Alte gibt sich als Stütze der hiesigen Priesterpartei her” (нем. черствый, жесткий) [123].

«...он невольно вообразил себя на месте французского партизана: вот маленький **свирепый** старикашка уперся ему коленом в грудь...» [62].

“...er mußte sich in die Lage des Franktirohrs denken: der kleine **leidenschaftliche** Greis kniete auf seiner Brust...” (нем. страстный, пылкий) [124].

«Эй, Цеккини, как дела? – крикнул ее **нежный** родитель в партер» [61].

“He, Zecchini, wie steht es? – rief **ihr Vater** ins Parterre” (нем. ее отец) [123].

«Что он мог поделаться с **наглым** и бесцеремонным Мальманом, который занимал у него деньги?» [61].

“Was war zu machen gegen **die gewalttätige Art**, in der Mahlmann seine Anleihen aufnahm?” (нем. насильственный способ, манера) [123].

Как видно из приведенных примеров, русские непроизводные прилагательные «подлый, ярый, святая, храбрый, глупый» и семантически, и стилистически полностью совпадают с лексемами, употребленными Г. Манном в оригинале для положительной или отрицательной характеристики героев произведений. Слова «добрые» и «злая» предстают в исследуемых текстах в качестве полных эквивалентов немецких прилагательных с такой же семантикой, поскольку относятся к основному древнему пласту лексики в обоих языках.

Лексема «приятный» в значении ‘хороший’ при употреблении по отношению к человеку в содержательном плане совпадает с немецким прилагательным *schön* (красивый, хороший). Несмотря на то, что русское прилагательное «гнусный» адекватно передает смысл немецкого адъектива *hässlich* (отвратительный), оригинальный текст в данном случае оказывается выразительнее, поскольку усиливает характеристику отрицательного персонажа с помощью прилагательного *hässlich*, которое сочетается с наименованием *Tier* (зверь, животное), представляющим собой

семантический дериват. Интересным, на наш взгляд, является русское нейтральное слово дотошный, которое стремится передать семантическое содержание немецкого диалектизма *anschäagig* (находчивый, умный), преднамеренно искаженного автором (в разговорном варианте произношения) в немецком тексте с целью как можно выразительнее передать речь майора Кунце – грубого солдафона из романа «Верноподданный». Лексема «дотошный», имеющая в русском языке значение ‘скрупулезный, мелочный’, не является адекватным эквивалентом немецкого прилагательного *anschlägig*, поскольку не соответствует ему ни в содержательном, ни в стилистическом плане. Если сопоставить русское слово «упрямый» и немецкое *verstockt* (жесткий, черствый) или русское «свирепый» и немецкое *leidenschaftlich* (пылкий, страстный), то бросается в глаза отличие смыслового содержания русских слов от значений оригинальных прилагательных, так как в семантический объем лексемы упрямый не входит представление о черстве, а в значение слова пылкий, содержащего дополнительную положительную оценку, не входит представление о свирепом. Прилагательное «нежный», вероятно, употреблено переводчиком с целью выражения дополнительной иронии по отношению к отцу семейства, который оставил детей и жену. Слово «наглый» в переводном тексте резко и категорично представляет одного из отрицательных персонажей - Мальмана, которого Г. Манн характеризует с помощью целого словосочетания *die gewalttätige Art* (насильственный способ), поскольку указанный персонаж именно таким образом обращается со всеми окружающими.

Вторую группу образуют морфологически производные прилагательные, подразделенные на подгруппы в зависимости от типа мотивирующей основы.

1. Адъективы, образованные от основ имен существительных:

▶ посредством суффикса *-н(ый)* и его производных: *-енн(ый)*, *-альн(ый)* и т.д. от основ отвлеченных (в том числе с суффиксом *-ство*) и конкретных имен существительных, от основ имен существительных

интернационального характера, а также от заимствованных основ. При этом производные функционируют с общим значением ‘имеющий свойства чего-либо’, ‘характеризующийся каким-либо качеством’ или ‘относящийся к чему-либо’. Это наиболее распространенная группа адъективов в исследуемых текстах.

«Экая ты **вредная** старуха!» [61].

“Du bist eine **böse** Alte!” (нем. злая, скверная) [123].

«С рабочими он вел себя точно **капризный** паша» [62].

“Er bewegte sich zwischen ihnen wie ein **launenhafter** Pascha” (нем. капризный) [124].

«**Истинный** аристократ никогда не изменяет себе» [62].

“Ein **wirklicher** Edelmann verleugnet sich doch nie” (нем. истинный) [124].

«Глоток, другой – и ты уже чего-то достиг, ты уже вознесен на вершины жизни, ты уже **свободный** человек» [62].

“Man schluckte: und da hatte man es schon etwas gebracht, fühlte sich auf die Hohen des Lebens befördert und war ein **freier** Mann” (нем. свободный) [124].

«До чего же **смешной** паяц – кричали женщины – напялил дурацкий колпак!» [61].

“Welch **hässlicher** Narr – schrien Weiberstimmen – mit seiner roten Nachtmütze!” (нем. отвратительный, безобразный) [123].

«...**сапожный** подмастерье Данте Маринелли, обняв свою девушку,... шептал ей в пыльные локоны...» [61].

“...der **Schustergeselle** Dante Marinelli den Arm um sein Mädchen wand, ... und ihr in das staubige Haar sprach” (нем. подмастерье сапожника) [123].

«Ведь все **таможенные** чиновники тоже ушли провожать» [61].

“Denn auch **die vom Stadtzoll** sind ausgezogen” (нем. эти с таможни) [123].

Как видно из приведенных примеров, прилагательные «вредный, капризный, истинный, свободный» полностью совпадают по значению с лексемами, употребленными в немецком тексте, которые представляют собой разносuffиксальные производные (за исключением прилагательных

böse – злой, скверный; frei – свободный). Русское прилагательное «смешной» не передает семантической наполняемости немецкого адъектива hässlich (отвратительный, скверный) из-за отсутствия семы 'плохой' в лексическом значении. Прилагательное «сапожный» выступает в составе словосочетания сапожный подмастерье для передачи немецкого определительного композита Schustergeselle (подмастерье сапожника). Прилагательное «таможенные» характеризует чиновников таможи, названных в оригинальном тексте посредством предложно-падежного словосочетания die vom Stadtzoll (эти из городской таможи). Адъективы «сапожный» и «таможенный» характеризуются, таким образом, меньшей степенью адекватности при передаче немецких лексем, так как в качестве мотивирующих основ у них выступают конкретные существительные «сапог» и «таможня», а немецкий язык при этом использует словосложение или синтаксическую конструкцию.

«Думайте о Доне Таддео что хотите – сказал он и покачал головой, а все-таки он **мужественный** человек» [61].

“Man mag von Don Taddeo denken, was man will, sagte er und wiegte den Kopf, so ist er doch ein **mutiger** Mann” (нем. мужественный) [123].

«Он, наверно, страшно богат и **могущественен**» [62].

“Er musste ungeheuer reich und **mächtig** sein” (нем. могущественный) [124].

«...вот это настоящий **государственный** муж, как искусно устроился он от партийных раздоров» [61].

“...er hatte als **Staatsmann** gehandelt, indem er Zwist der Parteien aus dem Wege gegangen war” (нем.государственный деятель) [123].

Русские прилагательные с суффиксом *-енн(ый)* в приведенных примерах адекватны как немецким отыменным суффиксальным адъективам mutig (мужественный), mächtig (могущественный), так и первому компоненту определительного композита Staatsmann (государственный деятель).

«А я все думаю, кем стать – генералом и всю жизнь посвятить войне, которая не предвидится? Или, быть может, **гениальным** народным вождем...» [62].

“Soll ich General werden und mein ganzes Leben auf einen Krieg einrichten, der voraussichtlich nie mehr geführt werden wird? Oder ein womöglich **genialer** Volksführer” (нем. гениальный) [124].

«Дом Бретпотов стал вполтину меньше, и в нем обитала **провинциальная** дамочка» [60].

“Das Breetpootsche Haus war nur noch halb so groß – und drinnen saß eine kleine **Provinzdame**” (нем. провинциальная дама) [122].

Данные прилагательные отличаются возможностью присоединения русского суффикса к заимствованной основе и целиком и полностью соответствуют адъективам, а в некоторых случаях определительным компонентам сложных слов оригинального текста.

«Моя возлюбленная – **элегантная** женщина!» [61].

“...ich habe eine **elegante** Frau zur Geliebten” (нем. элегантная) [123].

«Не находите ли вы, что этот адвокат невыносимо **вульгарен**?» [61].

“Finden Sie nicht, daß dieser Advokat **etwas** sehr **Vulgäres hat**?” (нем. есть что-то вульгарное) [123].

«Нам, **солидным** людям нельзя поднимать такой шум» [61].

«Schickt solche Szene sich für **Leute, wie wir sind**?» (нем. для таких людей, как мы) [123].

Суффикс *-н(ый)* в данных адъективах может быть выделен уже чисто условно в современном русском языке, так как «с 18 в. служил основным морфологическим средством русификации западноевропейских заимствований» [19]. Русские прилагательные данной подгруппы полностью совпадают в содержательном плане с лексемами оригинального текста, что объяснимо европейским происхождением основ данных прилагательных.

Также суффикс *-н(ый)* «широко участвует в методах комбинированного, суффиксально-префиксального образования имен прилагательных» [19]. Этот факт подтверждается распространенностью в анализируемых текстах адъективов, возникших с помощью конфикса *без-...-н(ый)*:

«Какая ты **бессердечная**, Флора» [61].

“Du bist **hart**, Flora” (нем. жестокая) [123].

«Фрау Геслинг, **безгласная** и робкая даже в последние мгновения жизни своего владыки, целовала его левую руку» [62].

“Frau Hessling, ganz **still** und klein selbst noch bei den letzten Atemzügen ihres Herrn, tat drüben dasselbe mit der linken” (нем. молчаливая) [124].

«Что ни говорите, а этот адвокат **бессовестный** эгоист» [61].

“Mag man vom Advokaten denken, was man will, er ist ein **häßlicher** Egoist” (нем. отвратительный) [123].

«Да он как будто совсем **безобидный** старичок» [61].

“Es scheint **nicht gefährlich**” (нем. не опасен) [123].

«Какой я **беспамятный!**» [61].

“Mein **Gedächtnis!**” (нем. моя память) [123].

«Дидерих фыркнул: ему, дескать, потрясающе везет, - шутка ли, такой **бесценный** работник, как господин Фишер, решил не покидать его!» [61].

“Diederich schnaubte: er habe wahrhaftig Glück, daß ihm die **wertvolle** Kraft des Herrn Fischer nun doch erhalten bleibe” (нем. весьма ценный) [123].

«Все отскочили, только друг склонился над **бесчувственным** юношей» [61].

“Alle waren zurückgesprungen, nur Gaddi beugte sich über ihn” [123].

С помощью большинства подобных имен прилагательных авторы переводов стремятся адекватно передать смысловой объем немецких лексем, представляющих собой или непроеизводные слова: *still* (тихая) – русское безгласная; *hart* (жестокая) – русское бессердечная, или суффиксальные производные: немецкое *häßlich* (скверный) – русское бессовестный; *nicht*

gefährlich (не опасный) – русское безопасен. Исключение составляет русская производная лексема «беспамятный», стремящаяся передать смысл немецкого существительного – восклицания mein Gedachtnis! (моя память), выполняющего функцию междометия. Интерес представляет прилагательное «бесценный», которое, несмотря на стандартное словообразовательное значение ‘не имеющий того, что названо производящей основой’, обладает в русском языке противоположным значением ‘очень ценный’ и способно адекватно передать ироничный контекстуальный смысл немецкого адъектива wertvoll (весьма ценный), употребленного автором в речи фабриканта Дидериха по отношению к работнику. Все словосочетание «бесценный работник» представляет собой яркий пример словесной иносказательности – энантиосемии, когда, употребляясь в отдельной речевой ситуации, слово семантически переосмысливается, изменяет эмоциональную окраску и приобретает отрицательную оценочность. «Подобную энантиосемию можно назвать эмоционально-оценочной, поскольку она базируется на способности слова к выражению полярной оценки, на эмоциональной окраске слова, которая легко превращается из положительной в отрицательную» [6].

► посредством суффикса *-ск(ий)* и его производного *-овск(ий)* от основ имен существительных, обозначающих названия лиц и географические названия со значением ‘принадлежащий кому-либо или чему-либо’ или ‘свойственный тому, что названо производящей основой’:

«Убит человек только потому, что этот **деревенский** оболтус не понимает шуток!» [62].

“Hat denn das alles einen Sinn? Nur weil dieser **Bauerntolpel** keinen Spass verstanden hat?” (нем. деревенский болван) [124].

«Что и говорить – **дворянская косточка!** – поддакнул хозяин» [61].

“Ein richtiger **Edelmann**, - bemerkte der Wirt” (нем. дворянин) [123].

«Когда в Чезене **папские** солдаты вели моего мужа на расстрел, толпа ринулась на них и всех рассеяла» [61].

“Als mein Mann in Cesena erschossen werden sollte, drängte ein Stoß des Volkes **die Soldaten des Papstes** auseinander” (нем. солдаты папы римского) [123].

«Моя возлюбленная элегантная женщина, **светская** дама!» [61].

“Oh! Ich habe eine elegante Frau zur Geliebten, **eine Dame der großen Welt**” (нем. дама из высшего света) [123].

«Старику Аквистапаче приходилось туго: десяток **вражеских** бойцов старался завладеть его пестиком» [61].

“Den alten Acquistapace belästigten dort vorn zehn **Feinde** und griffen nach seinem Stößel” (нем. врагов) [123].

«Но и **ангельская** душа – ангел невинный! Он знать не знал, что творится вокруг, верно, кум?» [61].

“Aber auch ein **Engel** war er...Manches geschah, wie, Gevatter? Was er nie erfahren hat” (нем. ангел) [123].

«А там мне остается единственное поприще: **нетцигского** адвоката» [62].

“...und was bleibt dann weiter übrig, als Rechtsanwaltspielen **in Netzig**” (в Нетциге) [124].

«Когда к этой компании пристал еще **берлинский** банкир вместе с **венгерской** танцовщицей, то «шайка Гнуса» заполнила весь курорт» [60].

“Als noch ein **Berliner** Bankier mitsamt einer **ungarischen** Tänzerin dazukam, nahm die “Rotte Unrats” allen Raum ein” (нем. берлинский; венгерский) [122].

«Вы, **поповские** гниды! – рычал Аквистапаче. – Вы глумитесь над делом Гарибальди!» [61].

“**Sakristeiflohe**, - donnerte Acquistapace, - die ihr das Werk Garibaldi nicht respektiert!” (нем. блохи сакристии) [123].

Русские прилагательные «деревенский, папский, светский, вражеский, ангельский» передают смысловое содержание немецких словосочетаний: Soldaten des Papstes (солдаты папы), Dame der großen Welt (дама из высшего света), композита – Bauerntolpel (деревенский болван), имен

существительных: Feinde (враги), Engel (ангел), хотя от большинства из них возможно образование подобных прилагательных с помощью суффикса *-lich*.

Адъектив «поповские», выражающий значение принадлежности, и прилагательное «деревенский», развивающее более качественное значение, выступают в составе субстантивных словосочетаний «деревенский оболтус» и «поповские гниды», так как стремятся передать семантику немецких окказиональных композитов Bauerntolpel и Sakristeiflohe, не нашедших отражения ни в одном из словарей. Немецкий субстантив Sakristei (сакристия), выполняющий определительную функцию при существительном die Flohe (блохи), называет реалию католической церкви, а потому это слово непонятно русскому читателю. А «переводческое мастерство предполагает умение не только сохранять, но и жертвовать чем-либо – именно ради более близкого соответствия подлиннику. Самая же необходимость жертвовать тем или иным отдельным элементом, как таковым, может вызываться языковыми условиями, например, отсутствием слова или фразеологического оборота, соответствующего слову или словосочетанию оригинала как по смыслу, так и по стилистической окраске...» [105]. Поэтому переводчик заменил данную лексику прилагательным «поповские», которое в сочетании с лексемой «гниды» является прекрасной образной отрицательной характеристикой приверженцев партии городского священника. Прилагательное «дворянская» выступает в составе окказионального словосочетания «дворянская косточка», называющего высокородного барона, и выделяет в своем составе субстантив – семантический дериват «косточка». Определяющее его прилагательное «дворянская» является более эмоциональным средством изображения персонажа, нежели немецкий нейтральный композит Edelmann (дворянин) в подлиннике. Подобные переводческие дополнения, призванные как можно более точно, но в то же время живо передать смысловые оттенки подлинника средствами русского языка, оправданы, так как переводы, как считал Б. Пастернак, «должны быть

художественными произведениями и, при общности текста, становится вровень с оригиналами своей неповторимостью» [77].

Приведенные примеры демонстрируют преобладание сложных слов и родительско-определяющих форм в подлиннике, а в переводных текстах – синонимичных этим формам прилагательных с суффиксом *-ск(ий)*, который по словам В. В. Виноградова “выражает разнообразные оттенки предметного отношения и качественной оценки и наиболее употребителен» [19].

► посредством суффиксов *-ов(ый)*, *-ив(ый)*, *-лив(ый)*, *-чив(ый)* со значением ‘склонный к тому, что названо производящей основой’:

«...и я бы даже назвал его **образцовым** гражданином, не будь он государственным преступником» [61].

“...und wäre er nicht ein Feind des Staates, würde ich ihn einen **guten** Bürger nennen” (нем. хороший) [123].

«Дидерих напустил на себя вид **делового** человека, не склонного развлекать девиц» [62].

“Diederich tat **geschäftig** und als sei er nicht aufgelegt, sich mit ihr zu befaßen” (нем. деловой) [124].

«...я жду благодарности не от него, а от вас, **милостивая** государыня!» [61].

“...und die Belohnung verlange ich nicht von ihm, sondern, **gnädige** Frau, von Ihnen” (нем. высок. милостивый) [123].

«**Трусливый** лицемер! Вот он и разоблачил себя!» [61].

“Welch **feiger** Heuchler! Er hat sich also zu erkennen gegeben” (нем. трусливый) [123].

«...несмотря на этого **сварливого** ханжу, мы умеем ценить искусство» [61].

“trotz diesem **traurigen** Herrn aus der Sakristei, sehr wohl bekannt ist, was wir der Kunst schulden” (нем. жалкий) [123].

«**Неудачливые** гимназисты, ... опасная братия?» [62].

“**Verkommene** Gymnasiasten, ... Gefahr für uns!” (нем. опустившиеся) [124].

Имена прилагательные на *-ивый*, мотивированные отвлеченными основами, способны довольно точно охарактеризовать персонажей, изображенных Г Манном в оригинальных произведениях. Прилагательные образцовый и деловой, развивающие качественное значение, являются в анализируемых текстах полными эквивалентами немецких адъективов. В лексеме милостивые суффикс *-ив(ый)* выделяется в русском языке чисто условно, так как данное прилагательное уже не обнаруживает соотносительности с существительным милость и употребляется как этикетная форма обращения.

Необходимо отметить лексемы сварливый и неудачливый, которые, на наш взгляд, обнаруживают смысловое несоответствие оригиналу, где употреблены адъективы *traurig* (жалкий) и *verkommen* (опустившийся).

► посредством суффикса *-ит(ый)* со значением ‘обладающий тем, что названо производящей основой’:

«И все **именитые** господа рядом с ним подхватили: Да здравствует свобода!» [61].

“Es lebe die Freiheit! – riefen **mehrere** auf einmal” (нем. большинство) [123].

«Моей Лине известно, что с ними должен приехать **знаменитый** тенор Джордано» [61].

“Meine Lina weiß, daß der **berühmte** Tenor Giordano dabei ist” (нем. знаменитый) [123].

Выделение в данных русских прилагательных суффикса *-ит(ый)* условно, так как этот формант, «производивший когда-то качественно-относительные прилагательные от основ существительного, в современном русском языке является непродуктивным и мертвым» [19].

Прилагательное «знаменитый» является полным соответствием немецкого отглагольного адъектива *berühmt* (знаменитый), лексема

«именитый» употреблена только в переводе для обозначения влиятельных лиц городка и соответствует немецкому наречию в сравнительной степени *mehr* (больше).

► посредством словосложения при помощи соединительных гласных *o* и *e*, на базе сочетаний имени прилагательного, имени числительного с опорным существительным с конечным суффиксом *-n(ый)* или \emptyset суффиксом:

«Перед строгими учителями он всегда благоговел и беспрекословно слушался их. **Добродушным** же досаждал мелкими каверзами...» [62].

“Immer blieb er den scharfen Lehrern ergeben und willfährig. Den **gutmutigen** spielte er kleine, schwer nachweisbare Streiche” (нем. добродушный) [124].

«Мы же отнюдь не **кровожадны**...» [61].

“...und wir sind nicht **grausam**...” (нем. не жестокие) [123].

«Недопустимо, чтобы известный на весь город музыкант был вытеснен какими-то **второсортными** скоморохами» [61].

“Ein Künstler, den die ganze Stadt kennt, sollte zurückstehen hinter jenen **schlechten** Schreiern?” (нем. плохие, скверные) [123].

«Это же **мягкотелые** люди, лишённые верноподданнических чувств!» [62].

“**Schlapp**, unpatriotisch mit der Regierung zerfallen!” (нем. перен. обессиленные, лишённые энергии) [124].

«...в кой-то веки она, **многогрешная**, была обижена безвинно...» [61].

“...weil man ihr, **der schon so vieles vorzuwerfen war**, endlich einmal etwas Falsches zuschob” (нем. ту, которую уже во многом упрекнули) [123].

«Маландрини – **первостатейный** жулик» [61].

“Der Wirt ist ein Schuft...” [123].

«Вот кто заслужил это, грубиян этакий, **узколобый** кретин» [61].

“Er verdient es wie kein zweiter, dieser Ignorant, dieser Unverschämte!” [123].

Все русские сложносоставные лексемы представляют собой образования, первым компонентом которых являются прилагательные или порядковые числительные, определяющие следующее за ними опорное существительное. Как правило, это суффиксально-сложные лексемы или сложные слова с нулевым суффиксом, характерные для образного, выразительного языка художественной литературы. Подобные лексемы адекватно передают смысл, заложенный автором в немецкое неизменяемое прилагательное *schlecht* (плохой), суффиксально производное *grausam* (жестокий) или сложносоставное *gutmutig* (добродушный).. Некоторые подобные образования употреблены автором перевода в метафорическом значении, так как «при выборе слова имеет место отбор не только среди других слов, но и сочетание семантических компонентов, соответствующих аспектам ситуации, что определяет и выбор самой лексемы» [27]. Например, прилагательное «кровожадные» используется для выразительного сатирического изображения и высмеивания полицейских, которых не волнует массовый беспорядок и драка между горожанами. Или лексема «мягкотелые» в речи верноподданного, который называет так людей, не имеющих таких же сверхпатриотических чувств и не занимающихся «идолопоклонничеством» перед кайзером. Все данные русские адъективы придают переводу больше образности и эмоциональности по сравнению с оригиналом, так как они «призваны образовать новый смысл и сконцентрировать этот сложный смысл в одном слове» [21].

2. Адъективы, образованные от глагольных основ:

► посредством суффиксов *-к(ий)*, *-тельн(ый)*, *-чив(ый)* со значением ‘склонности к тому, что названо производящей основой’, многие из которых обнаруживают в современном русском языке разную степень близости к производящей глагольной основе, а потому и разную степень членимости:

- «Мне тащиться за какими-то **жалкими** комедиантами?» [61].

“Ich soll hinter diesen **armseligen** Komödianten hermarschieren?” (нем. жалкий) [123].

«Фрау Геслинг, безгласная и **робкая...**» [62].

“Frau Hessling, ganz **still** und klein...” (нем. маленькая; разг. тише воды, ниже травы) [124].

- «Люблю **обходительных** мужчин!» [61].

“Ich liebe den **galanten** Mann” (нем. галантный) [123].

«Тут один **подозрительный** субъект ручается за другого!» [61].

“Hier bürgt ein **Verdächtiger** für den anderen!” (нем. подозреваемый?) [123].

«...личность **исключительная** и, что самое отрадное, весь порыв и действие» [61].

“... die **persönlichste** Persönlichkeit, von erfreulicher Impulsivität” (нем. индивидуальнейшая личность) [123].

«Ишь ты, какой **находчивый!** – восхищались арендаторы» [61].

“**Wieviel Witz er hat!** – sagten die Pächter” (нем. он не лишен остроумия) [123].

В прилагательных на *-кий*: жалкие и робкая, значение суффикса *-к(ий)* уже ослаблено, при этом они обозначают определенное качество называемого лица и с большой степенью адекватности характеризуют бродячих артистов, вызывающих у местных жителей интерес и презрение одновременно, и забитую тихую женщину, которая характеризуется в немецком тексте с помощью прилагательных *armselig* (жалкий) и *still* (тихий).

Прилагательные «обходительный» и «подозрительный», произведенные от глагольных основ, уже не ассоциируются с действием и выражают в русском языке качественное значение. Лексема «обходительный» наиболее точно передает семантику немецкого заимствованного адъектива *galant* (галантный). Прилагательное «подозрительный», сочетаясь со словом «субъект», выразительно характеризует чиновника, потерявшего доверие

простых горожан, и в полной мере соответствует немецкому отглагольному суффиксальному производному Verdächtiger (подозреваемый). Слово «исключительный», также обнаруживающее слабую глагольную соотнесенность, сочетается в анализируемых текстах с именем существительным «личность» и является частотным и употребительным словосочетанием в русском языке. Немецкий текст в данном случае более эмоционален и выразителен, так как существительное Persönlichkeit (личность) употреблено в сочетании с превосходной степенью прилагательного die persönlichste, выступающего в качестве производного для данного имени существительного. Все словосочетание представляет собой тавтологию и приобретает ироничное звучание в речи Дидериха, восхваляющего кайзера и монархию и порой доводящего свои верноподданнические чувства до смешного. Русское прилагательное «находчивый», называя свойство одного из персонажей, не совсем точно передает смысл немецкого пространный словосочетания wieviel Witz er hat! (не лишен остроумия).

► посредством суффикса *-н(ый)*, который можно выделить с определенной степенью условности:

«**Негодный** мальчик, почему ты не встаешь?» [61].

“**Böser**, warum rührst du dich nicht?” (нем. субст. прилаг. злюка, дьявол) [123].

«Зная, что отец поглощен общественными делами, он в моем доме – в моем собственном доме – принимает эту **непотребную** женщину» [61].

“Statt dessen hat er, indes sein Vater um die öffentliche Sache bemüht ist, in meinem Hause, ja, in meinem eigenen Hause jenes **Weibsbild** bei sich...” (нем. разг. баба, тетка) [123].

Русские прилагательные «негодный» и «непотребная», почти не соотносимые с глагольными основами в современном языке, употреблены автором перевода в рамках нормативных словосочетаний с целью передачи контекстуального смысла немецкого субстантивированного прилагательного

Böser (злюка, дьявол) и существительного Weibsbild (баба, тетка), являющихся более эмоциональными и стилистически окрашенными лексемами.

3. Адъективы, образованные посредством присоединения к основе прилагательного положительной степени суффиксов превосходной степени - *ейш(ий)*, *-айш(ий)* со значением предельной степени признака:

«...мы воздвигнем статую Ферручо Белотти, нашего **величайшего** гражданина!» [61].

“...ein Standbild des Ferruccio Belotti errichten wir, des **größten** Burgers der Stadt!” (нем. самый великий, величайший) [123].

«Синьор Кьяралунци, рекомендую, **искуснейший** портной, он, кстати, играет в оркестре на валторне» [61].

“Herr Chiaralunzu, **höchst geschickter** Schneider, der im Orchester das Tenorhorn blasen wird” (нем. искуснейший) [123].

«Адвокат **благороднейший** человек, настоящий рыцарь» [61].

“Der Advokat ist ein Gentleman mit dem **edelsten** Herzen” (нем. джентельмен с благороднейшим сердцем) [123].

«Младший сын **именитейшего** представителя города Нетцига наконец-то решил исполнить волю отца и отыскать Дидериха» [62].

“Der jungste Sohn des **großen** Mannes von Netzig hatte sich endlich entschlossen, dem Befehl seines Vaters zu folgen...” (нем. важный) [124].

Русские лексемы с суффиксами *-ейш(ий)*, *-айш(ий)*, объективно называющие безотносительно высокую степень признака, в исследуемых переводных текстах в большинстве случаев совмещают это значение с субъективной оценкой. Еще В.В. Виноградов отмечал, что «форма элитива все больше втягивается в круг экспрессивных синонимов, служащих для субъективного выражения предельной степени качества» [19]. В большинстве случаев приведенные русские адъективы на *-ейший*, *-айший*

употреблены в качестве соответствий немецким прилагательным с суффиксом *-(e)st*, обозначающих высшую степень признака и являющихся выразительным средством характеристики лица в немецком языке. В связи со стремлением переводчика эмоционально воздействовать на читателя, придать тексту ироничную окраску подобные элитивные формы, присущие торжественному стилю, употреблены в исследуемых переводных текстах для обозначения отрицательно оцениваемых и даже низких персонажей.

Итак, проанализировав прилагательные, употребленные авторами переводов романов Г. Манна «Верноподданный», «В маленьком городе», «Учитель Гнус» для внутренней характеристики лица, мы пришли к следующим выводам:

Имена прилагательные, широко употребленные в переводных текстах для внутренней характеристики персонажей, выступают в качестве соответствий немецким именам прилагательным, определительным композитам и пространным синтаксическим конструкциям текста-оригинала.

Наиболее распространенными русскими соответствиями являются отыменные суффиксальные адъективы, выделяющие словообразовательный формант с различной степенью условности.

Отглагольные прилагательные распадаются на лексем, обладающие слабой глагольной соотнесенностью и слова, не обладающие в результате исторического процесса дэтимологизации таковой вообще.

Выразительность и экспрессию именам прилагательным придают морфемные средства: суффиксы *-ейш(ий)*, *-айш(ий)*, а также нарушение сочетаемостных связей между компонентами словосочетаний, окказиональные употребления лексем, являющихся семантическим переосмыслением, словесная иносказательность.

Русский и немецкий языки применяют аналогичные способы образования имен прилагательных – аффиксацию и словосложение.

Определенное количество адъективов использовано авторами в рамках переводческой подстановки для адекватной передачи семантики немецких определительных композитов.

Исследуемые имена прилагательные, как носители признака – не только средство передачи содержания оригинального текста, но с помощью них переводчик, ориентируясь на русского читателя, привносит многообразные эмоции и оценки для лучшего отображения художественного замысла автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа имен существительных и прилагательных, служащих для характеристики внешнего и внутреннего мира человека в романах Г. Манна, мы пришли к выводу о том, что имена существительные, характеризующие внешность персонажей в переводных текстах, представляют собой выразительный класс слов, среди которых выделяются: непроизводные наименования, морфологически производные субстантивы и семантические производные.

Непроизводные наименования представлены соматизмами, приобретающими эмоциональность и оценочность только при употреблении с конкретными определениями, дающими качественную характеристику называемым частям тела человека.

Морфологические производные, характеризующие внешность персонажей, представлены уменьшительными образованиями от названий частей тела человека и отадъективными и отсубстантивными производными, приобретающими дополнительную эмоционально-экспрессивную коннотацию в большинстве случаев благодаря прибавлению к основам словообразующих формантов: суффиксов субъективной оценки, возникающих на базе уменьшительных суффиксов, а также суффиксов *-ина*, *-к(а)*, *-як(а)*.

В пределах анализируемых лексем, характеризующих внешность, в переводных текстах выделяется достаточно большое количество словообразовательных синонимов, различающихся оттенками лексических значений, стилистической маркированностью и частотностью употребления. Этот факт подтверждает положение о богатстве синонимических возможностей русского языка (например, детка – детина – дитя; мужик – мужичонка – мужлан – мужичье).

Большинство морфологически производных экспрессивно окрашенных субстантивов русских переводов представляют собой адекватные соответствия нейтральным субстантивным словосочетаниям подлинника, где эмоциональную нагрузку несет соответствующее определение. Это в очередной раз подтверждает тот факт, что система аффиксов русского языка обладает емкостью словообразовательных значений и многофункциональностью.

Семантические производные, отличающиеся особой выразительностью и образностью, уже по самому способу образования, представляют собой яркие в эмоциональном плане слова-характеристики лица, разбитые на группы в зависимости от типа переноса: наименование животного → наименование человека (паук → паук 'человек'), наименование предмета → наименование человека (жердь → жердь 'человек'), наименование человека по обладанию каким-то выразительным признаком (тенор 'голос' → тенор 'человек').

Семантические переносы в переводных текстах зачастую отражают те же семантические сдвиги, что и в языке-оригинале, что свидетельствует о наличии одинаковых ассоциативных связей и образов в русском и немецком языках.

Большинство субстантивов, характеризующих внешность человека, имеют негативную оценку, которая продиктована самим жанром социального романа, стержнем которого является обличение и критика реальной действительности.

Имена прилагательные, характеризующие внешность человека и широко представленные в исследуемых переводных текстах, разделены на группы в зависимости от типа производности. В отличие от имен существительных адъективы, как правило, обладают определенной выразительностью, прежде всего, благодаря своей основе, так как прилагательному как имени качественному в большей мере присуще наличие семы оценочности в смысловой структуре. Достаточно частотными являются сложносоставные русские адъективы – наиболее информативные, способные ярко характеризовать внешность героев.

Достаточно распространенными являются качественно-относительные прилагательные-характеристики внешности, произведенные от слов с самой разнообразной семантикой и обнаруживающие семантические преобразования. Немецкий текст, обнаруживающий большей частью нейтральные прилагательные, причастия и пространственные синтаксические конструкции, в этом плане менее эмоционален и менее образен (ср.: *eine schwere Hand* ‘тяжелая рука’ → свинцовая рука).

Русские прилагательные обладают компонентом значения, отражающим степень интенсивности, которая выражается с помощью уменьшительного суффикса *-еньк-*. Благодаря такой особенности русские анализируемые производные прилагательные приобретают ироническую окраску и отрицательную оценку. Немецким адъективам, как известно, не свойственно присоединение деминутивных суффиксов, а потому они характеризуются меньшей выразительностью.

Большинство субстантивных словосочетаний, служащих для внешней характеристики лица, обнаруживают лексические и грамматические расхождения с оригиналом: в немецком тексте – определительные композиты, в переводе – ‘качественное прилагательное + существительное’, ‘существительное + существительное в генитиве’.

Большая степень расхождений наблюдается в рамках словосочетаний с эмотивно-оценочными адъективами, где нестандартные употребления

прилагательных, так называемые риторические метафоры, стремятся передать семантику немецких причастий или синтаксических конструкций, обладающих меньшей экспрессивностью.

В рамках субстантивных словосочетаний достаточно распространенными в исследуемых переводных текстах являются окказиональные новообразования, представляющие собой слова-образы, неразрывно связанные с контекстом и способные передать все богатство индивидуально-авторских ассоциаций при характеристике внешности того или иного героя. Некоторые окказиональные употребления в языке переводов полностью совпадают с таковыми в подлиннике, что при отсутствии подобных ассоциаций в русском языке позволяет сделать вывод о том, что данные случаи употребления русских лексем являются калькой с немецкого индивидуально-авторского образования (например, *eine Speckmasse* 'масса жира, сала' → глыба жира).

Наиболее частотной лексикой, используемой с целью внутренней характеристики героев, являются имена существительные, так как в связи с грамматическими особенностями обладают способностью особенно ярко и эмоционально называть человека. Данная группа лексем выделяет в своем составе непрямые лексические единицы, морфемные производные и семантические дериваты.

Непрямые субстантивы, являющиеся внутренней характеристикой лица, представлены следующими лексико-тематическими подгруппами: лексемы, называющие лицо по роду деятельности, лексемы, обозначающие всевозможные семейно-родственные отношения, лексемы, передающие внутренние качества человека и, прежде всего, его душевные качества. Данные русские имена существительные с большой степенью адекватности передают семантику немецких лексических единиц.

В пределах морфемных производных выделяются те же лексико-тематические подгруппы. Наименования лица образуются от трех типов

основ: субстантивных, глагольных и адъективных посредством суффиксов -ик, -ник, -тель, -чик/-щик, -ун, -ан, -ец, -к-, -анин/-янин, -ач,

-ак/-як, Ø, -ист, -ант, -ер, -тор. Подобные суффиксальные образования в большой степени соответствуют оригинальным отглагольным производным с суффиксом *-er*, композитам или пространным синтаксическим конструкциям. Таким образом, исследуемые тексты демонстрируют богатый арсенал суффиксов, служащих для наименования лица и способных продуктивно и регулярно образовывать антрополексемы от различных производящих основ, в то время как для оригинального немецкого текста характерно образование подобных лексем посредством словосложения или единичного суффикса *-er*, присоединяемого, как правило, к глагольной основе.

Наряду с экспрессивными лексическими единицами достаточно частотны наименования человека по роду деятельности, близкие терминологической лексике, а потому нейтральные в семантическом отношении.

Достаточно распространены образования, возникшие в результате сложения основ с различной суффиксацией, большинство из которых характеризуются стилистической маркированностью (архаизмы, возвышенная лексика и пр.) и служат для создания комического эффекта. В переводных текстах распространены и приложения, стремящиеся адекватно передать смысловую наполняемость авторских новообразований подлинника (например, кровосос-булочник – *der Volksaushungerer*, где немецкий окказиональный композит, не нашедший отражения ни в одном из словарей, вероятно, имеет значение ‘человек, берущий людей измором’)

Словообразовательные морфемы зачастую придают русским производным образованиям дополнительные оттенки значения, что делает подобные лексические единицы более эмоциональными и выразительными. В немецком тексте данную функцию, за исключением деминутивных образований, как правило, выполняют лексические средства или контекст.

С целью придания русским переводам большей экспрессии и стилистической окрашенности переводчик в ряде случаев употребляет лексемы, представляющие собой кальки с немецких лексем, которые в русском переводе могут быть охарактеризованы как окказионализмы (например, Frankfurter ‘житель Франкфурта’ → Франкфуртер).

Для характеристики лица в исследуемых переводных текстах широко используются лексические единицы, образованные семантическим способом. И немецкий, и русский язык обнаруживают в этом отношении значительное сходство, несмотря на определенные расхождения в ассоциациях и образах, что обусловлено культурно-этническими особенностями.

При характеристике внутреннего мира человека наиболее распространены имена прилагательные, образованные от основ имен существительных посредством суффиксов *-н(ый)* и его производных, *-ск(ий)*, *-ов(ый)*, *--ив(ый)*, *-лив(ый)*, *-чив(ый)*, *-ит(ый)* и конфикса *без-...-н(ый)*, выделяемых с разной степенью условности.

От глагольных основ образуются адъективы, посредством суффиксов *-к(ий)*, *-тельн(ый)*, *-чив(ый)*, *-н(ый)*. Данные производные обнаруживают в современном русском языке разную степень близости к глагольной основе, а потому и разную степень членимости (например, прилагательное «жалкий», обозначая качество называемого лица, обнаруживает слабую глагольную соотнесенность; адъектив «негодный» выделяет суффикс *-н(ый)* с большой степенью условности).

Формы элятива, образующиеся посредством суффиксов *-ейш(ий)*, *-айш(ий)* и называющие безотносительно высокую степень признака, соответствуют в большинстве случаев подобным образованиям немецкого языка с суффиксом *-(e)st* и достаточно распространены в исследуемых текстах для выражения иронии и сарказма.

С целью передачи национального своеобразия оригинала, связанного с особенностями немецкого языка, переводчиками активно использовались

разнообразные языковые трансформации: разноуровневые “подстановки” и такой тип описаний, который способен выполнять ту же функцию речевого воздействия, благодаря чему исследуемые лексемы в переводных текстах можно охарактеризовать как адекватные соответствия лексическим единицам языка-оригинала.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абызова, Э. Б.** Статистическое исследование структуры немецких существительных / Э. Б. Абызова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1986. – 97 с.
2. **Аникина, А. Б.** Значение и смысл художественного слова. В кн. : Значение и смысл слова / А. Б. Аникина; под редакцией Д. Э. Розенталя. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 197 с.
3. **Апресян, Ю. Д.** Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 368 с.
4. **Арнольд, И. В.** Тематические слова художественного текста (элементы стилистического декодирования) / И. В. Арнольд // Иностранный язык в школе. – 1971, (№ 2). – С.6.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
6. **Балалыкина, Э. А.** Приключения слов / Э. А. Балалыкина. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1993. – 167 с.
7. **Балалыкина, Э. А.** Языковые особенности переводов биографических эссе Стефана Цвейга о русских писателях (на базе эссе о Достоевском) / Э. А. Балалыкина // Deutsch-russische Sprach-, Literatur- und Kulturbeziehungen im 20. Jahrhundert. – Гиссен : Peter Lang, 1996. – С.22.
8. **Балалыкина, Э. А.** Русское словообразование : учебное пособие / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 184 с.
9. **Балли, Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с франц. – Москва : Наука, 1961. – 399 с.
10. **Бархударов, Л. С.** Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 239 с.

- 11. Белоусова, А. С.** Русские имена существительные со значением лица (лексический состав и вопросы его словарного описания) / А. С. Белоусова // Вопросы языкознания. – 1981, (№ 3). – С. 71-84.
- 12. Богусловский, В. М.** Человек в зеркале русской культуры, литературы и языке / В. М. Богусловский. – Москва : Космополис, 1994. – 238 с.
- 13. Будагов, Р. А.** Человек и его язык / Р. А. Будагов. – Москва : Изд-во МГУ, 1974. – 262 с.
- 14. Булаховский, Л. А.** Курс русского литературного языка : в двух томах. Т.2. / Л. А. Булаховский. – Киев : Радянська школа, 1953. – 436 с.
- 15. Василевская, Е. А.** Словообразование в русском языке (очерки и наблюдения) / Е. А. Василевская. – Москва : Учпедгиз, 1962. – 132 с.
- 16. Васильев, Л. М.** Современная лингвистическая семантика : учебное пособие / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1990. – 175 с.
- 17. Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Мышление / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1997. – 416 с.
- 18. Виноградов, В. В.** Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1961. – 614 с.
- 19. Виноградов, В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1986. – 640 с.
- 20. Виноградов, В. В.** Вопросы современного русского словообразования. В кн. В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 559 с.
- 21. Виноградов, В. В.** Язык и стиль русских писателей : От Карамзина до Гоголя / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1990. – 386 с.
- 22. Виноградов, В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – 174 с.
- 23. Виноградова, В. Н.** Стилистика русского словообразования / В. Н. Виноградова. – Франкфурт : Peter Lang, 1992. – 382 с.

24. Винокур, Г. О. Понятие поэтического языка. В кн.: Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – Москва : Высшая школа, 1959. – 390 с.

25. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.

26. Воронина, Т. М. Семантико-стилистические трансформации имен существительных со значением лица : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татьяна Михайловна Воронина; – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1995. – 19 с.

27. Гак, В. Г. Проблемы лексико грамматической организации предложения : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Владимир Григорьевич Гак; – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1986. – 32 с.

28. Гиндлина, И. М. Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Матвеевна Гиндлина; – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 22 с.

29. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Ленинград : Наука, 1979. – 567 с.

30. Грамматика русского языка : в 2 т. Том 1. Фонетика и морфология / под редакцией академика В. В. Виноградова. – Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – 719 с.

31. Даниленко, В. П. Основные тенденции в способах наименования лица в русском языке советской эпохи / В. П. Даниленко // Русский язык в школе. – 1967, (№4). – С. 85-91.

32. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В. Д. Девкин. – Москва : Русский язык, 1994. – 768 с.

33. Долгов, И. А. Образование суффиксальных эмоционально-оценочных наименований лица в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Игорь Алексеевич Долгов; Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1984. – 19 с.

34. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – Москва : Просвещение, 1989. – 205 с.

35. Ермакова, О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. И. Ермакова. – Москва : Русский язык, 1984. – 151 с.

36. Жеребцова, Е. А. Особенности функционирования немецких сложных существительных и их влияние на процесс перевода : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Александровна Жеребцова; Московский педагогический университет. – Москва, 1996. – 20 с.

37. Земская, Е.А. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности / Е. А. Земская // Русский язык в школе. – 1965, (№3). – С. 53-58.

38. Знаменская, Г. Г. Манн в превратных толкованиях / Г. Знаменская // Вопросы литературы. – 1971, (№ 80). – С. 116-128.

39. Значение и смысл слова / под редакцией Д. Э. Розенталя. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 198 с.

40. Зубарева, К. А. Генрих Манн и прогрессивные традиции немецкой и мировой литературы / К. А. Зубарева. – Омск: Омская правда, 1972. – 395 с.

41. Ивашкевич, Л. В. Сложные прилагательные немецкого языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лариса Валентиновна Ивашкевич; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1954. – 23 с.

42. Ивлева, Г. Г. Семантические особенности слов в немецком языке / Г. Г. Ивлева. – Москва : Высшая школа, 1978. – 104 с.

43. Йелитте, Г. Сравнительное изучение русского и немецкого языков с контрастивно- и конфронтативно-семантической точки зрения / Г. Йелитте // Ученые записки Казанского гос. Ун-та. (Т. 135). – Казань : Унипресс, 1998. – С. 67-79.

44. Исследования сочетаемости слов и их функций в словосочетаниях: сборник научных трудов / под редакцией В. Д. Аракина. – Москва : Изд-во Московского государственного педагогического института, 1981. – 162 с.

45. Киселева, Л. А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лидия Александровна Киселева; Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1973 – 36 с.

46. Кобзарева, Л. В. Сатирический портрет в романах Г. Манна / Л. В. Кобзарева // Ученые записки. Пермский ун-т, (№ 188). – Пермь, 1968. – С. 180-192.

47. Козырев, И. С. Формирование словарных составов русского и белорусского языков: Соматическая лексика / И. С. Козырев. – Минск : Вышэйшая школа, 1983. – 127 с.

48. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1980. – 168 с.

49. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 252 с.

50. Копыленко, М. М. Сочетаемость лексем в русском языке / М. М. Копыленко. – Москва : Просвещение, 1973. – 119 с.

51. Космач, А. А. Субстантивы с эмоционально-экспрессивными суффиксами в поэзии Янки Купалы : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Анастасия Алексеевна Космач; Казанский государственный университет им. В. Ульянова-Ленина. – Казань, 2000. – 222 с.

52. Кругликова, Л. Е. Лексико-фразеосемантическая группа качественных наименований лица в русском языке XI-XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Людмила Евгеньевна Кругликова; С.-Петербургский государственный университет. – Спб, 1995. – 31 с.

53. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с.

54. Кудрявцева, В. А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова: на материале наименований лиц / В. А. Кудрявцева. – Алма-Ата, 1991. – 148 с.

55. Лаврова, Л. А. Лексические средства презентации духовного мира персонажа : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Любовь Анатольевна Лаврова; С.-Петербургский государственный университет. – Спб, 1999. – 19 с.

56. Ларин, Б. А. О разновидностях художественной речи. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. – Ленинград, 1974. – 187 с.

57. Латышев, П. К. Технология перевода : учебное пособие по подготовке переводчиков (с немецкого языка) / П. К. Латышев. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 280 с.

58. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – 685 с.

59. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск, 1986. – 310 с.

60. Манн, Г. Учитель Гнус, или конец одного тирана. Роман / перевод Н. Мана. – Москва : Изд-во Правда, 1990. – С. 17-188.

61. Манн, Г. В маленьком городе. Роман / перевод Р. Гальпериной. – Москва : Изд-во Правда, 1990. – С. 191-528.

62. Манн, Г. Верноподданный. Роман / перевод И. Горкиной. – Москва : Художественная литература, 1982. – С. 3-297.

63. Марков, В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В. М. Марков. – Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1981. – 29 с.

64. Маркова, Т. В. Языковые особенности разновременных переводов романа Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра с присовокуплением макулатурных листов из биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татьяна Витальевна Маркова; Казанский государственный университет им. В. Ульянова-Ленина. – Казань, 2001. – 146 с.

65. Мейерманова, К. С. Системные и коммуникативные аспекты номинации лица в современном немецком языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ксения Сергеевна Мейерманова; Московский государственный университет. – Москва, 1990. – 21 с.

66. Мигирина, Н. И. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке / Н. И. Мигирина. – Кишинев, 1980. – 91 с.

67. Михеев, А. В. Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. Семиотические уровни перевода : сборник научных трудов / А. В. Михеев. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С. 43-49.

68. Моисеев, А. И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Александр Игоревич Моисеев; Московский государственный университет. – Москва, 1968. – 35 с.

69. Назарова, М. С. Сложные имена существительные в немецком языке / М. С. Назарова. – Новосибирск, 1972. – 37 с.

70. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.

71. Немецко-русский словарь. – Москва : Русский язык, 1993. – 1040 с.

72. Немецко-русский фразеологический словарь. – Москва : Русский язык, 1975. – 656 с.

73. Нещерет, Е. И. Структурно-семантическая характеристика имен существительных с суффиксами субъективной оценки : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Ивановна Нещерет; Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. – Киев, Киев, 1990. – 23 с.

74. Никитевич, В. М. К вопросу о категории оценки в русском языке / В. М. Никитевич // Филологические науки. – 1960, (№ 3). – С. 81-91.

75. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1998. – 994 с.

76. Орлова, Н. Д. Словообразование и стилистика современного русского языка / Н. Д. Орлова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1991. – 172 с.

77. Пастернак, Б. Л. Замечания к переводам из В. Шекспира / Б. Л. Пастернак // Зарубежная поэзия в переводах Пастернака. – Москва : Радуга, 1990.

78. Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – Москва : Наука, 1984. – 222 с.

79. Плямоватая, С. С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке / С. С. Плямоватая. – Москва : Изд-во Московского горного института, 1961. – 121 с.

80. Полищук, Г. Г. Человек в системе компонентов художественного текста / Г. Г. Полищук, К. М. Зайнутдинова, А. А. Резчикова // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – С. 118-119.

81. Поперека, П. Б. Язык и стиль сатирических романов Г. Манна : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / – М., 1954. – 24 с.

82. Потebня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потebня. – Москва : Учпедгиз, 1958. – 536 с.

- 83.** Проблемы стилистической маркированности / под редакцией К. М. Ирисхановой. – Москва, 1990. – 140 с.
- 84.** Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – Москва : Высшая школа, 1980. – 143 с.
- 85.** Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Международные отношения, 1974. – 216 с.
- 86.** Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка / на нем. языке / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – Москва : Высшая школа, 1975. – 315 с.
- 87.** Родионова, Н. А. Типы портретных характеристик в художественной прозе И.А. Бунина (лингвостилистический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Наталья Альбертовна Родионова; Самарский государственный университет. – Самара, 1999. – 22 с.
- 88.** Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь. – Москва : Высшая школа, 1979. – 317 с.
- 89.** Розина, Р. И. Человек и личность в языке : сборник научных трудов / Р. И. Розина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С.52-56.
- 90.** Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1992. – 144 с.
- 91.** Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке / Б. А. Серебренников. – Москва, 1988. – 213 с.
- 92.** Сильман, Т. И. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы / Т. И. Сильман. – Ленинград : Просвещение, 1969. – 328 с.
- 93.** Складьяревская, Г. Н. Языковая метафора как категория лексикологии : межвузовский сборник научных трудов. Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под редакцией Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1991. – с. 23-35.

94. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956-1960.

95. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. – Москва : Русский язык, 1979. – 536 с.

96. Слыхова, З. И. Имена прилагательные, характеризующие человека в летописном повествовании (на материале Ипатьевской летописи) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зинаида Ивановна Слыхова; Московский государственный университет. – Москва, 1985. – 209 с.

97. Современный словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 1992. – 741 с.

98. Соколовская, Ж. Г. Проблемы системного описания лексической семантики Ж. Г. Соколовская. – Москва, 1990. – 182 с.

99. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 375 с.

100. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 142 с.

101. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования : словообразовательный словарь русского языка. – Москва, 1985.

102. Тихонова, И. В. Суффиксы существительных, называющих лиц по месту жительства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Владиславовна Тихонова; Череповецкий государственный университет. – Череповец, 1996. – 21 с.

103. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Татьяна Александровна Трипольская; С.-Петербургский государственный университет. – Спб., 1999. – 20 с.

- 104. Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е. – Москва : Прогресс, 1986-1987.
- 105. Федоров, А. В.** Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 335 с.
- 106. Харченко, В. К.** Функции метафоры : учебное пособие / В. К. Харченко. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1992. – 86 с.
- 107. Химик, В. В.** Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. – 180 с.
- 108. Харченко, В. К.** Переносные значения слова / В. К. Харченко. – Воронеж, 1989. – 195 с.
- 109. Цвиллинг, М. Я.** Русско-немецкий словарь. – Москва : Русский язык, 1997. – 687 с.
- 110. Чернейко, Л. О.** Оценка в знаке и знак в оценке / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 1990, (№ 2). – С. 72-82.
- 111. Чернова, С. В.** От модели языка к модели человека : межвузовский сборник научных трудов Вятского государственного педагогического ун-та. Языкознание и другие науки. Языковые контакты / С. В. Чернова. – Киров, 2002. – С.130-138.
- 112. Чуковский, К. И.** Высокое искусство / К. И. Чуковский. – Москва : Советский писатель, 1988. – 349 с.
- 113. Шанский, Н. М.** Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – Москва : Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1959.– 246 с.
- 114. Шарипова, А.** Языковые особенности разновременных переводов сказки Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Астрид Шарипова; Казанский государственный университет. – Казань, 1996. – 160 с.
- 115. Шейдаева, С. Г.** Категория субъективной оценки в русском языке / С. Г. Шейдаева. – Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1997. – 264 с.

- 116. Шмелев, Д. Н.** Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – Москва : Просвещение, 1977. – 335 с.
- 117. Шмелев, Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
- 118. DUDEN** – Deutsches Universalwörterbuch, 2., Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich : Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
- 119. Brinkmann, H.** Die Zusammensetzung im Deutschen / H. Brinkmann. – Köln – Gratz, 2 Jg, 1956/57. – S. 222-230.
- 120. Fleischer, W.** Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. – 327 S.
- 121. Fleischer, W.** Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1979. – 394 S.
- 122. Mann, H.** Professor Unrat. Roman. - Berlin : Rohwohlt, 1992. – 170 S.
- 123. Mann, H.** Die kleine Stadt. Roman. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1986. – 495 S.
- 124. Mann, H.** Der Untertan. Roman. – Engels : Deutsches Staatsverlag, 1938. – 448 S.
- 125. Meier, H.** Die Metapher. Versuch einer zusammenfassenden Betrachtung ihrer linguistischen Merkmale / H. Meier. – Winterthur: Verlag P.G. Keller, 1963. – 246 S.
- 126. Paul, H.** Prinzipien der Sprachgeschichte / H Paul. – Halle: Niemeyer, 1937. – 428 S.
- 127. Schmidt, W.** Deutsche Sprachkunde / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1978. – 344 S.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. Особенности употребления лексем, характеризующих внешность человека	6
1.1. Субстантивы-характеристики внешности	7
1.2. Адъективы-характеристики внешности	28
1.3. Субстантивные словосочетания, характеризующие внешность	44
ГЛАВА 2. Особенности употребления лексем, характеризующих внутренний мир человека	56
2.1. Субстантивы-характеристики внутреннего мира человека	57
2.2. Адъективы-характеристики внутреннего мира человека	101
Заключение	119
Библиография	126

ВЫХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗДАНИЯ

Научное издание

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН-ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЦА
В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Ибрагимова Эльмира Рафаиловна

Кафедра «Иностранные языки» КГЭУ

Редактор С. Чемоданова

Компьютерная верстка И.О. Фамилиа

Подписано в печать ...

Формат 60'84 1/16. Усл. печ. л. ... Уч.-изд. л. ... Тираж* ... Заказ № ...

**Редакционно-издательский отдел КГЭУ
420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51**